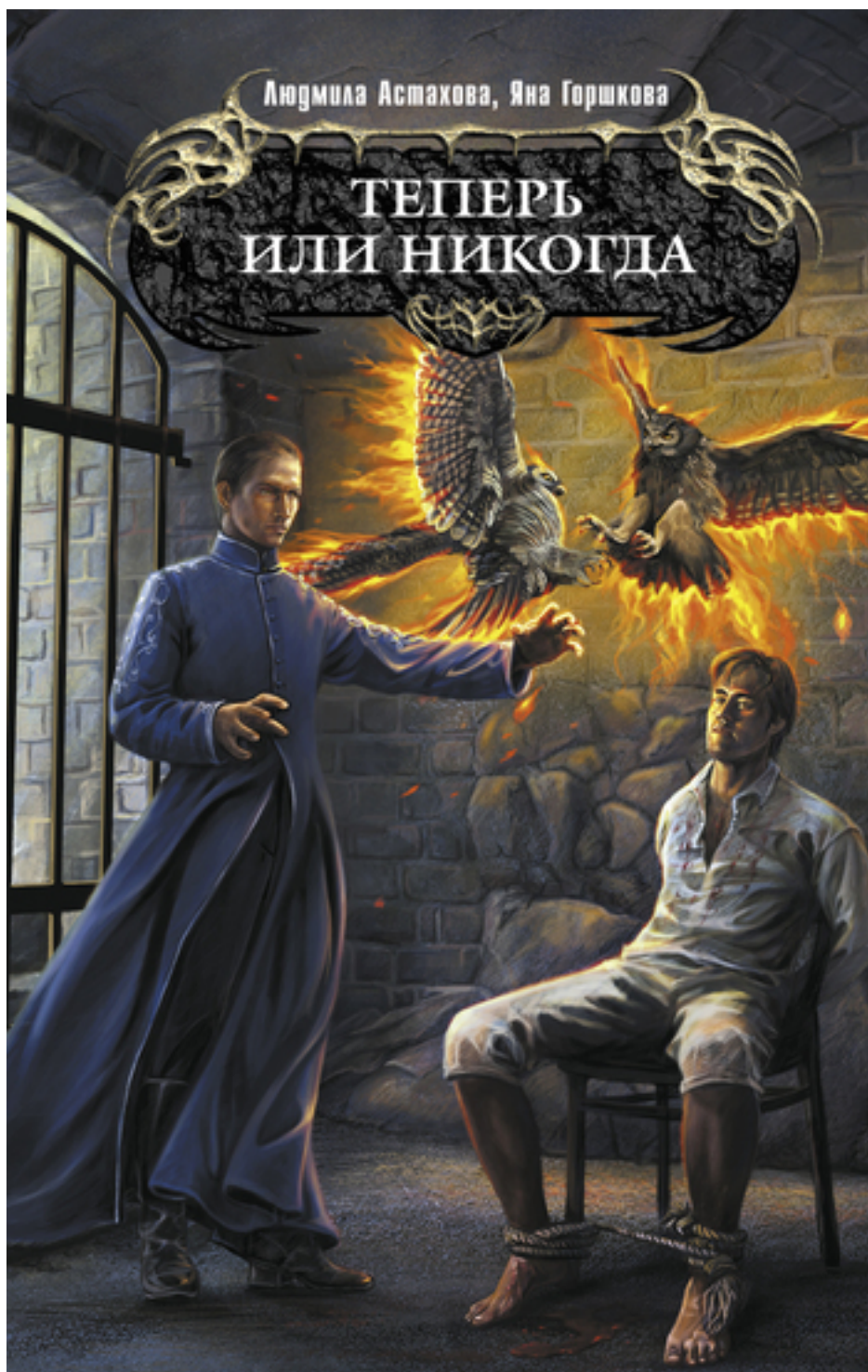


Людмила Астахова, Яна Горшкова

ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА



Помни о жизни

Людмила Астахова
Теперь или никогда

«ЭКСМО»

2011

Астахова Л. В.

Теперь или никогда / Л. В. Астахова — «Эксмо»,
2011 — (Помни о жизни)

Есть тайны, которые не только жгут руки, но и дотла сжигают сердца. Хрупкий мир Империи обречен рухнуть, едва лишь тайное станет явным. А людям придется сделать выбор. Оставить все как есть или восстать, сохранить Империю – или возглавить кровавый мятеж? Стать бешеным зверем – или найти свою тропу? Убить врага – или протянуть ему руку и назвать братом? Остаться верным – или шагнуть на узкую дорожку между изменой и страхом? Наступил час перемен. Боги и духи молчат – они не вправе вмешиваться. Времени на сомнения не осталось. Решать должен человек.

© Астахова Л. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Удаз Апэйн	9
Грэйн эрна Кэдвен	16
Джэйфф Элир	23
Джона	25
Грэйн и Джона	27
Рэналд эрн-Конри, лорд-секретарь Собственной Е. С. О. Канцелярии	32
Аластар Дагманд Эск	36
Грэйн	40
Джона	42
Грэйн, Джона и Джэйфф	44
Грэйн и Джэйфф	46
Джона, Аластар, Грэйн и Джэйфф	47
Грэйн	54
Аластар	57
Грэйн и Аластар	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Людмила Астахова, Яна Горшкова

Теперь или никогда

Записка военного цензора 1-го класса Военно-Цензурного отделения Собственной Е. С. О. Канцелярии

Почтенному г-ну ир-Кэйлтону

Сим уведомляю Вас, почтенный г-н ир-Кэйлтон, что представленный на предварительное рассмотрение в Военно-Цензурное отделение экземпляр газеты «Голос Эйнсли» за номером 23 в ряде статей своих содержит сведения, угрожающие сохранности Государственной и Военной тайны и посему разглашению не подлежащие. Памятуя о всегда дружеском моем к Вам расположении и уповаю на то, что допущенная Вами беспечность не может быть не чем иным, кроме досадной случайности, я временно удерживаю в отношении Вас исполнение мер, предписанных «Законом об Охранении тайн военных и государственных». Вам надлежит немедленно прибыть в приемный кабинет Военно-Цензурного отделения, дабы лично ознакомиться с перечнем тем, запретных и нежелательных для печати. Кроме сего, с особенным тщанием проследите и доведите до сведения господ, обзирающих события внешние, и в особенности шантйские, что любое упоминание в их статьях присутствия в водах пролива Беруин близ форта Сигрейн кораблей имперского флота, в частности фрегата «Меллинтан», является крайне нежелательным и запретным. В равной же степени эта охранительная мера относится и к упоминаниям о якобы имевшей место встрече Е. С. О. и графа Империи Синтаф Эска, Аластара Дагманда, на острове Тэлэйт. Со всей ответственностью заявляю Вам, что таковая встреча, а также любые соглашения между Е. С. О. и графами Империи Синтаф являются нелепым вымыслом и ни при каких условиях не могли бы состояться. В том Вам надлежит немедленно уверить господ обзирателей и всех наших добрых подданных.

Военный цензор 1-го класса

посвященный Локки майор эрн-Гэйтин Дэрайн

«Голос Эйнсли» № 23 от 2 июня сего года

Чрезвычайные известия

Замок Эйлвэнд. Сего дня благополучно возвратившийся в столицу Е. С. О. Вилдайр Эмрис эрн-Лэнси милостиво изволил обратиться к верному народу своему с Высочайшим Манифестом, в коем объявляет добрым подданным своим о чрезвычайном и радостном событии. Волею богов свершилось событие, важность которого несомненна: в состав Священного Княжества нашего добровольно и с радостью вошел остров Тэлэйт со всеми обитателями, его населяющими!

С почтительной гордостью «Голос Эйнсли» по высочайшему изволению Е. С. О. публикует Манифест о присоединении Шанты полностью.

Манифест Вилдайра Эмриса эрна Лэнси

Волей богов Мы, Вилдайр Эмрис, владетель земли Лэнси, Великий Эрн и Князь Священного Княжества Ролэнси, Произволением Богов вступив в обладание шурианским владением Шанта, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Веру, коренные Законы и традиции, права и

преимущества, коими все подданные, оное владение населяющие, по древним уложениям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии; во удостоверение чего и сей Манифест собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили.

Писано в форте Сигрейн, именуемом также крепостью Шила, мая 15-го дня 302 г. от ВР.

На подлинном подписано собственною Его Священной Особы рукою:
эрн-Лэнси Вилдайр.

Известия о военных действиях, имевших место при форте Сигрейн в мае сего года

Донесение коменданта форта Сигрейн, посвященного Локки майора эрн-Тэлдрина на имя Его Священной Особы Вилдайра Эмриса эрна Лэнси от 10 мая 302 г.

Тэлэйт. Вашей Священной Особе всеподданнейше доношу: сего дня в 4 часа утра неприятельские силы, не объявив прежде о намерениях своих, атаковали вверенную мне крепость. Штурм отражен гарнизоном. В 8 часов утра атака возобновлена была, но также неприятель прогнан с уроном. В 9 часов 50 минут утра к северу от форта в проливе Беруин показались 12 кораблей, в 10 часов 30 минут определилось, что это военная эскадра под флагом Идбера и держит курс на остров. В 11 часов неприятельская эскадра открыла огонь...

Известия из Генерального Штаба

Тэлэйт. В присутствии Высочайшей Персоны возглавив победоносную нашу флотилию, адмирал Белого Вымпела Рэйс эрн-Сэйлит 10 мая сего года в морском бою близ форта Сигрейн наголову разбил силы военного флота Идбера, внезапно и без предупреждения напавшие на отдаленный форпост наш на острове Тэлэйт. Вслед за тем силы корабельных десантов, соединившись с гарнизоном форта Сигрейн и местными обитателями, добровольно к войскам нашим примкнувшими, в коротком бою уничтожили отряды осаждавших и очистили большую часть сего злосчастливого края от разбойников и убийц, выступавших под знаменами Идбера. Два неприятельских полка совершенно истреблены, взяты в плен некоторые офицеры и 200 нижних чинов. Гарнизон форта, а также примкнувшие к нам добровольцы из числа местных обитателей показали отличную храбрость...

Речь Е. С. О. Вилдайра Эмриса, владельца Лэнси, Великого Эрна, Священного Князя Ролэнси, произнесенная в собрании народа Шурианского близ форта Сигрейн острова Тэлэйт мая 15-го дня 302 г. от ВР

Произволением Богов и вашим душевным желанием призванный принять под руку свою этот добрый и честный народ, я желал видеть его представителей собранными вокруг меня. Я желал вас видеть, чтобы дать вам доказательство моих забот о благе вашей родины. Я обещал сохранить ваши древние уложения, обычаи и традиции, ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моего обещания. Это собрание составит эпоху в вашем политическом существовании; оно имеет целью укрепить узы, связывающие нас отныне, пополнить права, предоставленные мне военным счастьем, правами более дорогими для моего сердца, более сообразными с моими принципами, теми, что дают чувства любви, привязанности и верности.

Любовь к сей прекрасной земле, любовь к совместному отечеству нашему, любовь к порядку и неизменная между нами верность да будут душою наших суждений, и благословение Матерей и Покровительниц наших, Морайг-Хелы, Шиларджи-Глэнны и Локки-Дилах, снизойдет на нас, чтобы направить и просветить совместные наши занятия. В неустанных трудах о безопасности и приумножении народа вашего вижу теперь я свою обязанность и воистину желаю, дабы верные подданные мои, дети Матери нашей Морайг, возлюбили всем сердцем

столь счастливо обретенных родичей своих, как и я возлюбил вас. Ибо, невзирая на злосчастные между нами различия и прошлые наши противостояния, мы все суть дети этого мира. И если мы, ролфи, верные дети Морайг, так и вы, шуриа, любимые дети Сестры ее Глэнны. И кто же мы друг другу, как не двоюродные братья, едва не потерянные, но волею богов и нашей вновь обретенные? Кровь наша смешалась здесь, на земле детей Глэнны, на стенах нашей крепости, когда совместно обратили мы оружие наше против вероломного врага. Отныне не только узы древнего родства связывают нас, но и братство по оружию. Так желаю я, чтобы отныне под сенью оружия моего и в неусыпных заботах моих процветание и радость пришли на смену проклятиям и горю. И здесь, на острове Тэлэйт, над бастионами форта Сигрейн, пусть отныне реют два стяга: Священного Княжества Ролэнси и любимого брата в семье нашей, свободного Доминиона Шанта!

Докладная записка преподобному тиву Фармилу Эшио

«Искомая особа обретается в Янамари-Тай вот уже третью неделю кряду. Жду распоряжений относительно действий в отношении означенной дамы. Соблаговолите также выделить на урегулирование денежных вопросов 150 (сто пятьдесят) оули серебром или же отрядить в помощь двух надежных агентов низшего ранга.
Агент Прудовик».

Резолюция

«Однако, запросы у ваших агентов! Вы можете себе представить, как я с подобным запросом обращусь к Благословенному? Хватит с него и 60 оули. Пусть только ваш клерк перепишет сей меморандум как положено.
Просветленный тив Рэнхард Исс».

Приказ

«Назначить комиссию для расследования злоупотреблением казенных средств, выделенных на специальные акции. Особо тщательно изучить обстоятельства нецелевого использования людских и материальных ресурсов. О результатах доложить по истечении сорокадневного срока.
Руководитель специального контрольного отдела Э-К, Янамарского филиала (Подпись, печать)».

Личная записка

«Фармил! Скажите спасибо, что остались живы и при должности. А все ваша неумная жадность. Не могли выдать Прудовику эту несчастную сотню? Теперь пеняйте на себя!
Просветленный тив Рэнхард Исс».

Записка

«Срочно! Леди Я. исчезла, и нынешнее ее местопребывание неизвестно.
Агент Прудовик».

Служебная справка

«Сим удостоверяю, что 3 сентября сего года Рамман лорд Никэйн, граф Янамари, официально вступил в права наследования земель и собственности.
*Письмоводитель в чине имперского свидетеля
Эйгелмар Ранн (Подпись)».*

Письмо к эрн-Кэдвен Грэйи

Получив это небольшое письмо, милая эрна, вы наверняка удивитесь причудам судьбы, коими изобилует жизнь каждого шуриа. Пишу вам, чтобы поведать о своем здравии и благополучии, и предвкушаю ваше потрясение, когда вы узнаете, откуда сие послание было отправлено. Впрочем, вы ведь уже рассмотрели печати, не так ли? Да, посвященная госпожа, я ныне обретаюсь на острове (Шанта – вычеркнуто цензурой). Злокозненные обстоятельства заставили меня покинуть (Янамари – зачеркнуто цензурой) самым срочным образом, и единственным местом, где моя жизнь и жизнь моего младшего сына не подвергаются опасности, оказался этот прекрасный остров. Спешу заверить, что пребываю в полном комфорте и удобстве, окруженная самыми добрыми и заботливыми людьми на свете, что в моем *положении* немаловажно. К сожалению, сообщение между островом и (тщательно зачеркнуто цензором) пока еще трудно назвать регулярным, и до начала весенней навигации я буду лишена возможности поддерживать наше общение, но обещаю описывать все свои впечатления, чтобы потом порадовать вас, милая эрна, множеством обстоятельных писем. Умоляю об обратной услуге, ибо беспокойство о вас окончательно изложет не только мою душу, но и сердца бесконечно любящих вас друзей, оставшихся на (Шанте – вычеркнуто цензурой). Да хранят вас Великие Духи!

Форт Сигрейн-Шила

10 часов утра

9 октября года 303 от ВР

Джойана из рода Ияри.

Удаз Апэйн

Окна в игорном доме всегда держат зашторенными и плотно закрывают ставнями, чтобы не мешать охваченным азартом игрокам расставаться с наличными. Неважно, день на улице деньской или темная ночь, рассвет или закат, – пока в кошельке звенит серебро, ничто и никто не напомнит о существовании всего остального мира. А тот терпеливо подождет, когда опустеют закрома игрока, чтобы принять неудачника в жесткие и неласковые объятия. Кой-кого прямо с порожка. Ты, ошалевший и расстроенный, выходишь, почесывая в затылке, с вывернутыми карманами, а тебя уже поджидает судебный пристав в компании с разгневанными кредиторами и постановлением об аресте наперевес. Здравсьте пожалуйста! И глаза у всех добрые-добрые.

Отсидев два раза по три месяца в местной долговой тюрьме, Удаз стал умным. В случае выигрыша он сразу же отдавал половину содержательнице местного борделя – Маме Муре – на сохранение. Благо для этого требовалось всего лишь, выйдя через черный ход, пересечь задний двор – провонявший мочой каменный колодец. Два гнезда порока соседствовали не случайно. Куда пойдет опьяненный победой игрок? Хвастаться девушкам. Куда отправится облапошенный и униженный простак? Доказывать, что, несмотря на проигрыш, он – настоящий мужик, то бишь – к девушкам. Выгода взаимная, тем более что порой проигравшиеся в пух и прах отцы семейств тут же продавали в дом терпимости своих дочерей, а на вырученные деньги продолжали игру.

Не зря жители Свободной Республики Эббо славятся на всю Конфедерацию своей практичностью и предпринимательской жилкой.

За стол сели вчетвером – Удаз, идберранский торговец шерстью, приказчик Мунни Пэр из магазина тканей, расположенного ниже по 12-й улице, и юный синтафский дворянчик с нежным румянцем во всю щеку. В первой партии выиграл Удаз. С изящной, но не надменной легкостью известного прожигателя жизни. Затем проиграл, но совсем чуть-чуть, скорее подавшись, чтобы растравить в партнерах азарт. В третьей – знатно отыгрался, утерев всем нос.

Четвертая партия обязана была расставить все по своим местам, то бишь денежкам Мунни Пэра, идберранского купчишки и лорденка предстояло перебраться в кошелек Удаза Апэйна, или – как он себя теперь именовал – Удэйза ир-Апэйна.

Сдающим сегодня был приказчик, и обычно карты, которые так называемый ир-Апэйн получал из его рук, оказывались удачными. Вот и сейчас – восьмерка и тройка. Замечательно.

Первый торг вообще ни к чему не обязывал, никто из игроков не торопился и не стремился пополнить банк полновесным серебром. Все ждали, когда откроют три карты.

– Восьмерка, тройка и валет, – объявил Мунни.

Мысленно Удаз ликовал, но виду не подал. Столько лет прослужить в Синтафе специальным дознавателем тамошнего высшего совета магов-священников – Эсмонд-Круга – и не уметь владеть своим лицом? Смешно, судари мои, очень смешно. Всматривайся или не всматривайся в его хмурую физиономию, а никаких чувств в этих желтых диллайнских глазах не углядишь, даже с лупой. Так-то! Шелковый шейный платок давил на кадык, но мужчина не рискнул его поправить. Еще решат, будто синтафский эмигрант занервничал.

– Повышаю, – мурлыкнул он и добавил в общую кучу немного серебра. Для затравки, так сказать.

Партнеры поддержали ставку, чтобы продолжить игру.

Мунни выложил следующую карту. Это был король.

«Что ж! Это даже неплохо!» – решил Удаз и снова повысил.

Пятой картой оказался туз.

После своего поспешного бегства из Синтафа бывший преподаватель тив вдруг обнаружил в себе страсть к риску, ранее неизведанную и незнакомую. Словно магия, которой его лишили насильно волшебники-эсмонды, заслоняла до поры до времени сокрытые части души. Как дорогой ковер закрывает дырку в полу.

– Ставлю все! – решительно заявил Удаз, передвигая на центр стола то, что выиграл ранее.

Торговец невозмутимо хмыкнул и ответил равной суммой.

Тривиальная игра становилась интересной.

– Открывайте карты, ир-Апэйн.

Тот насмешливо оскалился и выложил на стол восьмерку и тройку. И тогда купец показал свои карты. Туз и король.

– Вы проиграли, ир-Апэйн, – мерзко хихикнул Мунни.

Он и сам это знал. Обидно, конечно, но Удаз-Удэйз не подал виду. Он невозмутимо попрощался и эдак вальяжно направился к запасному выходу. Мол, пустяки какие! Мелочовка!

Однако же к Маме Муре в кабинет влетел вихрем, по дороге удивительным образом растеряв всю спесь и гонор.

– Шо? Опять продулся? – фыркнула бордель-маман, окидывая мужчину пронзительным взглядом, точно насквозь видела содержимое не только карманов, но и кишок.

– Мура, мне нужны мои деньги. Давай их сюда, – требовательно попросил Удаз.

Женщину, проработавшую на улице полвека, очень тяжело удивить. Она сама кого угодно удивит – и статью, и прытью, и могучим начесом.

– Стал быть, продулся в пух и перья, а теперича хочешь отыгаться. Ну-ну. А завтра попросишь займы либо у меня, либо у девок, – рассуждала она, доставая из конторки пухлую учетную книгу. – А ведь не дам. Ни лейда¹, ни фера². И девкам запрещу.

Заветный фолиант был толст, забран в кожаный переплет, и в нем хранились все тайны обитателей веселого дома под названием «Морской Конек», что по 15-й улице числился за номером 7. Все, какие только возможны, – начиная от банальных расходов на самое дешевое мыло и заканчивая заказами на смертоубийство. В Эббо все покупается и все продается, и главное – учет и контроль. Содержательница дома терпимости раскрыла книгу на нужной странице и, шевеля губами, как неграмотная, стала искать записи про взносы, сделанные ир-Апэйном. Но неграмотной она не была. Не каждая торговка так быстро сложила бы в уме столько цифр.

– Итого, мой недалновидный друг, ты можешь рассчитывать на восемьдесят четыре серебряных оули имперскими ассигнациями.

Это было мало. Просто смертельно, душающе, омерзительно мало.

– Мура! – возмутился Удаз. – Еще на той неделе было двести пятьдесят!

– Чо Мура?! Чо сразу Мура?! Мура – слепая? Сам пересчитай, телок, коли не веришь!

Бандерша железной рукой впиалась в его воротник и силой нагнула над страницей, практически ткнув носом в одуряюще пахучую бумагу. Духи в Идбере были привозные и стоили бешеных денег, но Мама Мура лила их на себя без счета.

– За месяц постоя двадцатку вынь и положи, за полное столование – еще пятьдесят, прачке – десятку, бедняжке Нахиэ на поправку здоровья – семьдесят пять. Забыл, что третий день месяца у меня расчетный? Так я тебе напомню, дурик!

– А где еще одиннадцать?

– Чо? А кто на Зерии платье казенное порвал? Совсем на голову больной стал? Ты бы, красавчик, поумерил пыл или, скажем, у доктора полечился бы. Говорят, нонче таких, как ты, врачевать берутся – сверлят дырку в башке и льют туда микстуры всякие.

¹ Лейд – самая мелкая синтафская монетка, имеющая хождение по всему континенту.

² Фер – монета номиналом в дюжину лейд, чеканящаяся в Конфедерации.

Мама Мура не любила, когда сомневаются в ее исключительной честности. И могла под горячую руку не только наговорить всякого, но и кулак в ход пустить.

– Пшел вон, пока я добрая! – она швырнула все восемьдесят четыре оули мелкими купюрами в лицо паршивому смеску и захлопнула перед его носом дверь. – Чтоб я тебя больше не видела!

Завтра Мама Мура отойдет, сердце у нее доброе, но пока надобно ноги уносить подальше. Удаз все-таки попытал удачу у девушек, но те не осмелились послушаться хозяйку. Да к тому же все еще обижались из-за истории с Нахиэ.

Зерия – хозяйка пострадавшего платья и подруга Нахиэ в одном лице – так и сказала:

– Вали-ка ты, маньяк-полудурок, иначе глаза выцарапаю!

– Я же извинился. И заплатил.

– Ха! Извинился он! Чуть не утопил бедняжку! – И замахнулась туфелькой, норовя попасть деревянным каблуком в лоб Удазу.

Делать ничего не оставалось, кроме как убираться несолоно хлебавши. В игорный дом возвращаться бессмысленно, в таком настроении только остаток денег просадишь и останешься не только гол, но и бос.

Мужчина пригладил волосы, почистил сюртук от пыли, протер тряпочкой туфли и, прихватив с собой тросточку, отправился в единственное место во всей Индаре, где ему не откажут в ночлеге, к тому человеку, который не посмеет выгнать на улицу. Потому что Ланистир Дорр сам должен ему кругленькую сумму.

С тех пор как Удаз Апэйн был лишен священничества в Синтафе, приговорен к смерти, но стараниями своего папаша – одного из верховных иерархов Эсмонд-Круга – бежал из Империи, дела бывшего преподобного все время шли под гору. Отцовские отступные быстро кончились, потом стремительно обмелел счет в банке, и папаша закрыл кредит. Слишком дорого обходились прихоти бывшему тиву, ранее одержимому Благочестием, а после отлучения – обуюнному Похотью. А всему виной эта женщина – ролфийская офицерша, клейменная Локкой, дерзнувшая бросить вызов диллайнской магии и самому Удазу. Похитительница, убийца и поджигательница! Но ее облик огненным клеймом отпечатался в сознании несчастного полукровки. Эта жестокая женщина-волчица стала его личным наваждением, его единственной целью, его страстью и ненавистью. И когда вместе с диллайнской магией исчезло и заклинание, умиряющее плоть, Удаз Апэйн пустился во все тяжкие. Тем паче что в государствах Конфедерации – этих отколовшихся от Империи Синтаф провинциях – можно купить осуществление любых желаний. Только плати. За связывание публичной девки, окунание ее головой в ведро с водой и последующее овладение ею же, дергающейся и полуживой, – по двойному тарифу и обоюдному согласию, и все дела. Некоторым даже нравилось. Настоящее ролфийское бешенство поселилось в опустошенной душе Удаза Апэйна, вечный голод и не утолимая ничем жажда, свойственная в той или иной степени всем детям Морайг. Навечно отвергнутый народом своего отца-диллайн, он решил стать ролфи. Даже имя сменил, чтобы отрезать все пути к отступлению. И стал искать выходы на ролфийского резидента в Эббо. Безуспешно, разумеется. Ролфи сами на него вышли. Как водится, пока маленькая рыбка примеривается к червячку, на нее саму уже заглядывается большая рыба.

А кого бы не заинтересовала личность человека, рыскающего по всему Эббо в поисках ролфийского женского военного мундира? И отчего бы не использовать желание этого человека влиться в народ своей матери? Господин резидент, должно быть, пораскинул мозгами и решил: «Если само плывет в руки – надо брать». Так ролфийская агентурная сеть обзавелась еще одним полевым агентом, а Удаз Апэйн стал обладателем бесценной формы. Жестяное ведро, веревку и серый мундир в комплекте с беретом девушки из «Морского Конька» называли в шутку – Малый Набор Маньяка. И не в шутку тоже.

Новоиспеченный Удэйз ир-Как-полагается-настоящему-ролфи трудился на благо Ролэнси в поте лица, тащил в клювике... вернее, в зубах добычу по первому же окрику, служил, как верный пес, и не роптал на неторопливость ролфийской благодарности. Всему свое время, свой час и срок, сказал он себе и стиснул зубы, лелея мечту о том, как однажды, очутившись на Островах, найдет Ту Женщину и... Честно говоря, Удаз и сам не знал, что скажет ей или сделает, потому что любые помыслы о Гончей Священного Князя будили в нем столько чувств и желаний, совершенно бешеных и неистовых. Избить или пасть в ноги, молить о благосклонности или жестоко изнасиловать... Нет, он не ведал, как поступит.

И вот теперь из-за дурацкого проигрыша мечта о Ролэнси снова отдалялась. Если к завтрашнему полудню он не вернет долг Вертлявому Хайцу, а то, как пить дать, проведет в тюрьме не меньше полугода, то и целый год, дожидаясь, пока за него не внесут залог. Кому, скажите на милость, потребен сидящий за решеткой агент, за освобождение коего еще и деньги придется платить?

– Ланистир! Открывай немедленно! Я же знаю, что ты дома!

Бывший тив Удаз прекрасно слышал тихое дыхание за дверью и легкие шаги.

Приложившись несколько раз кулаком по створке двери, рискуя проломить хлипкую защиту господина Дорра, он прокричал:

– Открывай! Тебе некуда бежать, с-совий сын! Поговорим, как нормальные люди. Неужто не понимаешь, что бегать все время не получится и не отдавать долг тоже? Ты меня знаешь.

Окна в клоповнике, который снимал Ланистир, выходили строго на кирпичную стену, такую же глухую, как беспросветная жизнь беглеца-казнокрада, поэтому улизнуть у него не выйдет. Оставалось лишь ждать, когда страх перед побоями пересилит в господине Дорре его собственную жадность. На это неблагодарное занятие у бывшего тива Удаза ушел ровно час, пока наконец с той стороны не щелкнул замок.

– Дружище, прости, ну прости! – залопотал Ланистир. – Ты же знаешь – я всегда деньги отдаю, как обещано было.

– Да уж! То-то я смотрю, ты от меня уже месяц бегаешь, – хмыкнул Удаз, оттер должника в сторонку, чтобы войти в его берлогу и осмотреться. А вдруг найдется что-то ценное?

Ланистир Дорр только медовыми глазницами хлопал. У, диллайнское отродье! А с другой стороны... Лишенный магии священства тив-изгой и проворовавшийся храмовый казначей – два сапожка из одной пары.

– Удаз... э... Удэйз, дружище, завтра утром будет тебе денежка. Клянусь Предвечным! Дело верное! Удазик, миленький, потерпи чуток. Такое дело наклеывается, просто пальчики оближешь, – без усталости щебетал диллайн.

– Не ври! – рявкнул новоявленный ролфи.

– Да не вру я. Хочешь, обыщи тут все кругом – у меня сегодня ни лейда. Последние сухари доедаю с колодезной водичкой.

Искать в комнатенке и впрямь было нечего. Раскладная кровать с грудой давно не стиранного белья, стол, два стула, вешалка и дорожный сундук – вся мебелировка. Даже занавесок на окне нет. А на столе и впрямь плоска с кусочком хлеба.

Вот что ты с ним сделаешь? Ланистира можно ногами бить, но если у него действительно нет денег... То денег просто нет, хоть бей, хоть не бей.

– Хорошо, тогда я заночую у тебя, – заявил Удаз и решительно закрыл дверь. – Не хочу, чтобы ты смылся с денежками, не отдав мою долю.

– Предвечным клянусь! – замахал руками Ланистир, прикидываясь смертельно обиженным, но потом вдруг осекся и сменил гнев на милость: – Удазик, а у тебя есть деньги? Ну хотя бы несколько лейдов? Покушать бы чего. А? Ну, пожалуйста. И ночуй сколько угодно. А? Удазик?

Бывший тив и сам не отказался бы от куска колбасы и кружки эля, о чем свидетельствовал злобно урчащий желудок. За игрой он забывал о еде совершенно.

– Ладно. Змей с тобой! – согласился он.

До ужина вечно голодный господин Дорр еще никогда не сбегал.

Так и вышло, а уже после третьей кружки у Ланистира развязался язык.

– Короче, дружище. Дело-то верное, вернее не бывает. Есть у меня покупатель на очень ценную вещицу. Не оглядывайся, не надо. Все в надежном месте припрятано... Что я, дурак, под подушкой товарец держать? Завтра встреча с посредником – я ему манускрипт, а он мне золотишко. Я сразу сказал: «Никаких ассигнаций, никаких драных кредитных билетов! Только золото!» Чтобы у диллайнского князя и золотишка не нашлось? Чепуха! Так что будет тебе отдача долга, да еще и с процентами.

– Диллайнский князь? – насторожился Удаз. – Это какой же?

Беглый казначей пьяно хихикнул:

– Какой-какой? Такой вот! Эском кличут, Аластаром Дагмандом. Чо смотришь? Думаешь, мне кто-то прямо так и представился? Шиш! Я одного из посредников узнал. Бывший мичман с корвета «Святой Идвиг», он потом у Эска третьим лейтенантом служил. И вслед за капитаном вышел в отставку.

Ланистир выхлебал четвертую кружку и пригрозил пальцем кому-то невидимому.

– Меня не проведешь на мякине. Не-не-не! Я сразу понял, что у этой... дамы можно пожить. Дом старый-престарый, мебелишка старинная, всяких древних безделиц – море разлитое... Но в такой шикарной шкатулке абы что хранить не будут... Не, не будут. Я сначала на шкатулку позарился...

– Так оно, получается, ворованное? – строго спросил Удаз, цедя сквозь зубы дрянной дешевый эль.

– Ну, как тебе сказать... Ролфийка-то... как бишь ее? Тарвен... Госпожа Акэлиа все едино помирала от чахотки. И от моих травок никому хуже ведь не становилось.

– Эх ты! Мошенник.

Ланистир частенько прикидывался лекарем-травником, чтобы проникнуть в дом, но травы и вправду собирал и продавал безвредные.

– Да ладно, – отмахнулся он. – Благодаря мне эта ролфийская леди хоть не в полном одиночестве помирала. В долгах была, как в шелках, все равно кредиторы все растащили бы. Так что я не стал дожидаться, когда сыночек-наследничек пожалует, а прихватил шкатулочку и был таков.

– А шкатулка где?

– Продал... ик... уже.

– А манускрипт? Откуда ты узнал, что он очень дорогой?

– Сами сказали. Выследили, когда я к ученому профессору одному ходил... э... консультироваться... Набрехал мне, мол, оно и трех сребрушек не стоит, а сам слил Эсковым подручным. Тот, который мичманом был... ну, третий лейтенант хотел сразу пощекотать под ребром, а другой сказал: «Давай человеку заплатим, и все будет хорошо».

– А что профессор про манускрипт говорил? О чем он?

– А? Манускрипт? Говорит, зашифрован, говорит – на старинном ролфийском диалекте он, и никто его расшифровать не сможет, кроме Священного Князя. О! Вона как!

– Тогда зачем он Эску?

– А пес его знает... Может, насолить Хозяину Островов надумал... Кто их разберет, этих князей...

Через несколько минут Ланистир Дорр спал крепким здоровым сном честного человека, положив голову на столешницу.

А Удаз Апэйн оделся и отправился на незапланированную встречу с одним неприметным господином – подавальщиком в питейном заведении под названием «Кречет». Его ролфийские... э... сородичи непременно должны были узнать новость.

На ночь глядя соваться в райончик, где располагался «Кречет», означало сильно рисковать головой и задницей, но бывший тив не робкой дюжины уродился. По дороге туда его безуспешно попытались ограбить, а в остальном без приключений обошлось. Господин подавальщик выслушал внимательно, обещал передать куда следует, но особенно сильно не заинтересовался. Разочарованный Удэйз поплелся обратно и застал в комнатенке Ланистира Дорра кровавый натюрморт. Кто-то тщательно перевернул вверх дном обиталище несчастного мошенника, а ему самому перерезал горло. Аккуратно так, от уха до уха. Профессионально.

Предвечного бывший тив благодарить не стал, а хвалить Локку или Морайг еще не научился, поэтому молча помянул новопреставленного покойничка стаканом самогона в ближайшей подворотне и направил свои стопы в те места, где беглый казнокрад мог хранить ценные вещицы, то бишь к его любовницам – таким же пройдохам, как и сам Ланистир. С ними Удаз церемониться не стал. Избил и отобрал все, что нашел.

Манускриптом в традиционном понимании эту толстую тетрадь назвать было сложно. Судя по качеству и выделке бумаги, а также дате, стоявшей на титульном листе, писали в нее еще при императрице Лэнсилэйн, а то и раньше – во времена Завоевания диллайн.

«Писано посвященной Глэнны, хранительницей Аслэйг эрн-Акэлиэн», – значилось на титульном листе. И это все, что бывший тив сумел прочесть, и то благодаря мамаше, которая из-под палки заставляла учить староролфийский. Остальное содержимое тетрадки и впрямь было зашифровано. Опять же, не будь Удаз бывшим тивом, не упали он с заоблачных высот эсмондской иерархии, то ни за что не узнать ему божественных знаков Предвечного, которые неведомая Аслэйг эрн-Акэлиэн не поленилась подробно зарисовать в своем... трактате. Да, пожалуй, именно так его и следовало называть, решил Удаз.

Искать посланцев графа Эска бывший тив не стал. Кто знает, может быть, это они и прикончили Ланистира. Не исключено также, что поработали конкуренты Эска. Чем змей не шутит?

Поэтому Удэйз ир-Апэйн спрятал тетрадочку за пазуху и вернулся к Маме Муре весь такой покаянный и смиренный. Прямо хоть бери и образ святого с него рисуй. Очи раскосые долу, брови домиком, губки скобочкой – пожалейте меня, горемычного. На три сребрушки выбрал у разнощицы свежую пышную розу и тем самым купил если не прощение, то снисхождение многоопытной женщины.

– Знаешь, пес ролфийский, как меня подмазать, – мурлыкнула басом Мама Мура и прижала блудного маньяка к монументальной груди, но предупредила: – Еще раз мою девку сильнее обычного притопишь – вышвырну на улицу и забуду, как звать. Понятно?

Удаз неискренне поклялся себя блюсти. И как ни странно, сдержал обещание. Он забился в свою комнатку под самой крышей и до утра писал отчет своему куратору. Старался так, что аж пар из ушей шел. Не упустил ни единого момента, тщательнейшим образом перекопировал первую страницу злополучной тетрадки-манускрипта, но сам документ решил пока попридержать. На тот случай, если его отчетом заинтересуются всерьез. Опыт истового служения Эсмонд-Кругу подсказывал бывшему тиву, что без небольшой страховки не обойтись даже в отношениях с новыми... сородичами. Пусть тетрадочка пока полежит в конторке Мамы Муры, подождет своего часа. Она кушать не просит, верно же? Примерно так рассуждал Удаз, отправляя посыльного мальчишку с заветным письмецом к господину Глири – помощнику военного атташе посольства Ролэнси в Эббо. А потом пришли судебные исполнители, предъявили ордер и под белы ручки отвели господина ир-Апэйна в долговую тюрьму. Под еднородушный рев девиц, естественно. Плакала даже пострадавшая от маньяка Нахиэ – девушка чувствительная и очень недалекого ума.

В подвалах, в которых располагалось узилище злостных должников, можно было запросто сгнуть заживо, но там, по крайней мере, регулярно кормили, а такой ловкий игрок, как бывший тив, запросто мог облегчить себе положение небольшими, но приятными выигрышами у надзирателей. Чем Удаз и занимался в течение следующего месяца. Затем к нему явился лично господин Глири. Верно, дал взятку дежурному, чтобы увидеться с заключенным. Удаз даже глаза протер, когда из вечного полумрака коридора явилось эдакое светлое облако – в светло-сером фраке и жемчужном жилете ролфийский дипломат смотрелся нереально, как шурианский призрак.

– Как поживаете, ир-Апэйн? – любопытствовал нежданный визитер, прикрывая нос платочком.

Вонь здесь стояла прямо-таки убийственная и зимой, и летом, но осенью – особенно едкая почему-то.

– Замечательно, – буркнул Удаз.

– А я к вам с хорошими новостями, – решил окончательно обрадовать его гость.

– Хм... Например?

– Ваше послание кое-кого заинтересовало, и делу будет дан ход, – доверительно сообщил куратор.

– Я счастлив. А со мной что будет?

Как-то непохоже, чтобы шпион-ролфи торопился вызволить узника.

– А вы, милейший ир-Апэйн, еще немного посидите здесь. О! Не смотрите на меня разъяренным зверем. Это не я ввел вас в столь крупные расходы. И мне неоткуда взять нужную сумму, придется дожидаться, когда ее нам предоставят из казны. Это займет несколько месяцев, но вам не о чем беспокоиться. Сидите здесь спокойно и наслаждайтесь.

«Вот это номер!» – возмутился Удаз.

– Чем, интересно, тут можно наслаждаться? – спросил он не без сарказма.

– Безопасностью, милейший ир-Апэйн, – нежно улыбнулся ролфи. – Поверьте на слово, долговая тюрьма для вас сейчас самое уютное место, где вы находитесь в недосягаемости.

Бывший тив хотел было спросить, кто собирается посягать на его безопасность, но удержался от вопроса. Господин эрн-Глири не шутил и не глумился.

– А еще вы можете быть совершенно уверены – каторжные работы вам не грозят. Ждите и верьте в милость Священного Князя.

А во что еще оставалось верить Удазу? Нет, ну действительно, а во что еще?

Грэйи эрна Кэдвен

Посвященная эрна лейтенант, офицер для специальных поручений при Собственной Е. С. О. Канцелярии эрн-Кэдвен Грэйи зябко повела плечами, поправила форменный берет и поплотнее запахла темно-серую шинель. Не помогло. Сентябрьская мелкая невесомая морось посеребрила волосы и мундир девушки, сырость пробирала до костей. Порывы резкого западного ветра так и норовили завалить шняву Е. С. О. «Прыткая» на правый борт и не дать ей спокойно пришвартоваться к пирсу у форта Сигрейи. Вообще-то Грэйи, как и любому пассажиру, во время швартовки корабля полагалось смирно сидеть в каюте и носу не показывать на палубе, но старый знакомец – бывший первый лейтенант, а ныне капитан шнявы «Прыткая» Таллэк эрн-Холдэн, – сделал для девушки исключение, строго предупредив, впрочем, чтоб она не путалась под ногами. Его бессменный вестовой, на время путешествия приставленный к Грэйи, нашел для нее укромное местечко, где эрна Кэдвен при всем желании не смогла бы никому помешать, и теперь девушка стояла, облокотившись на планшир, и, щурясь от ветра, всматривалась в знакомые очертания прибрежных скал острова Шанта и бастионов форта Шила. Перемены были, так сказать, налицо. В первую очередь – удобный новый пирс, так что теперь можно будет прямо с борта сойти на берег, а не болтаться в шлюпке, судорожно вцепившись в сундуки с багажом. Это – раз. Новые орудия на батарее – это два. А большего пока и не разглядеть, впрочем, Грэйи не сомневалась, что комендант эрн-Тэлдрин, получив наконец-то «добро» от своего Князя, развернул бурную деятельность. И более-менее регулярное морское сообщение между Эйнсли и островом Тэлэйт-Шанта тому подтверждение.

«Прыткая» как раз и была одним из таких небольших, но быстроходных и маневренных кораблей, что исполняли роль курьерских. Приказы, небольшие грузы, важные сообщения и – специальные пассажиры. Вроде эрны Кэдвен и ее багажа.

Грэйи беспокойно оглянулась на свои бесценные сундуки. Ее собственное личное имущество, как и прежде, прекрасно уместилось бы в заплечном мешке... хотя нет, все-таки нет. С повышением чина и статуса эрна Кэдвен обросла вещами, расставаться с которыми было не слишком удобно: сменный мундир, например, или зимняя одежда, книги и писчие принадлежности, а еще – новенькая и весьма точная подзорная труба, которую она повсюду с собой таскала. И все это, несомненно, пригодится на Шанте. Особенно учитывая, что провести на острове ей предстоит как минимум год...

Год! Грэйи глубоко вздохнула и зажмурилась. Когти Локки, целый год здесь! Год свободы и трудов, год троп и перевалов... Год без Рэналда эрн-Конри! Да неужто счастье все-таки возможно в этом мире?

– Прошу вас, поосторожней с этими ящиками, – попросила она матросов, как раз выносивших из трюма шнявы ее объемный и дорогостоящий багаж. – И в особенности с тем черным сундуком.

В наполненном стружкой сундуке, тщательно упакованные в плотную шелковистую ткань, путешествовали из Эйнсли на Тэлэйт точнейшие приборы, без которых немислима топографическая съемка, – новехонькие нивелир и теодолит. Только-только из Инструментальной мастерской при Военно-топографическом отделении Академии Генштаба. За их сохранность Грэйи, в случае чего, ответила бы по всей строгости, поэтому всю дорогу берегла и сторожила сундук так, что матросы на «Прыткой» решили, будто там спрятаны тысячи полновесным золотом. К великому облегчению эрны Кэдвен, по прибытии на место ответственность за эти дорожные геодезические игрушки целиком ляжет на широкие плечи эрн-Тэлдрина. В конце концов, весьма сжатого курса военной топографии, прослушанного Грэйи в Эйнсли, хватило ей только для того, чтобы понять – с ценными приборами должен работать специалист. Самое же большее, на что способна лейтенант эрн-Кэдвен, – это ориентироваться

на местности по компасу да, может быть, весьма приблизительно вычислять углы и расстояния с помощью офицерской линейки и растопыренной руки. И все. Для составления же подробных ланд-карт этих знаний явно было маловато.

Все эти соображения она, скрепя сердце, изложила Священному Князю на личной аудиенции (ролфи от благоговения даже не сразу сообразила, какую великую честь ей оказали, пригласив в знаменитый Зал-с-Очагом!). Да, она готова на все, чтобы приносить пользу и служить Ролэнси там, где Ролэнси того потребует, а больше всего – на острове Тэлэйт, но... Не ошибся ли Вилдайт Эмрис с кандидатурой специально командированного картографа? На это, помнится, Его Священная Особа изволил грубовато заржать и погрозить пальцем. И сказал, похлопав поперхнувшуюся от неожиданности Грэйн по плечу: «Кэдвен, не ломайся. Отвезешь приборы эрн-Тэлдрину, а патент капитана военно-топографической службы этому диллайну, Мартайну Неру. Покажешь, как пользоваться, – уж на столько-то твоих свежеприобретенных знаний хватит? А сама займешься гораздо более важными вещами – как следует погуляешь по острову, укрепишь прочные связи с местным населением, приглядишь за леди Янамари заодно уж. И у меня нет более подходящей кандидатуры для этого, чем ты. Думаю, у тебя не будет проблем с тем, чтоб подыскать хорошего проводника из местных. Возьмешь побольше бумаги, планшет, десяток карандашей – и вперед! Землеописание вообще можешь составлять в свободной форме... пока. А вообще – заодно присмотришь к тому, как будет работать профессионал, и подумай сама насчет топографии, кстати. Вполне возможно, тебе понравится это занятие больше, чем увлекательные поручения Конри. Ну? Ты все еще будешь делать вид, что не хочешь на Шанту?»

«Нет, милорд, – ответствовала Грэйн. – Не буду. Напротив, я с благодарностью и удовольствием...»

«Ну, довольно, – прервал ее Священный Князь. – А то я решу, что ты отправляешься на целебные воды. Я подумываю об организации отдельного Корпуса топографов при моей Канцелярии, но пока что ты – подчиненная Конри, и если ты ему вдруг понадобишься, он тебя отзовет. А пока ступай. И не благодари! За приборы ответишь головой».

«Да, милорд», – сдержанно попрощалась эрна Кэдвен и степенно покинула замок Эйлвэнд. Очень степенно, изо всех сил запрещая себе прыгать через три ступеньки и с боевым кличем размахивать над головой приказами и предписаниями.

Тэлэйт! Кровь Локки и слезы Морайг, Тэлэйт! Шанта! Наконец-то! Увидеть навсегда запавшие в сердце берега, форт и горы, славного хитрюгу-коменданта и гарнизон, а главное – увидеть Джойн! И, конечно же, не только ее. Но об этом эрна Кэдвен вообще запретила себе думать... раньше времени. Не хватало еще спугнуть удачу. И уж тем более не хватало, чтобы непосредственный командир, Рэналд эрн-Конри, заподозрил вдруг, будто у нее есть какая-то особая причина радоваться этому поручению.

Лорд-секретарь... Грэйн сжала челюсти и поиграла желваками на скулах. Не худший командир, он и любовником оказался, в общем-то, не самым плохим. Негрубый, ненавязчивый и не слишком требовательный в смысле отношений, не предусмотренных уставом и обычаями. Мужчина, состоящий, казалось, из одних только «не». А уж эта привычка даже в самые интимные моменты именовать любовницу исключительно на «вы» – для конспирации, что ли? Чтобы потом ненароком не оговориться? Во всей этой двусмысленной связи Грэйн не понимала только одного – на кой ляд она ему вообще понадобилась? Только из-за того, что от поместья Кэдвен до имения Конри действительно пять лайгов по прямой? Чтоб далеко не бегать, когда приспичит? Или потому, что лорд-секретарь, заваливая своего офицера для специальных поручений на диван в библиотеке, а то и прямо на стол, мог быть абсолютно точно уверен, что она о том никому не сболтнет? Грэйн передернула плечами от неприятных воспоминаний. Может статься, что вся их тайная связь – это вообще такая опосредованная месть отцу эрны Кэдвен, бывшему другу лорда Конри, по его попустительству сгинувшему в тюрьме и опозо-

ренному. И шеф Собственной Е. С. О. Канцелярии, а в просторечии – ролфийской разведки, попросту получает некое извращенное удовольствие от того, что именно дочка Сэйварда эрн-Кэдвена «скрашивает его одиночество»?

Одна Морайг ведает, как в одном человеке может сочетаться столько противоположных качеств! Лорд Конри очень быстро перестал быть загадкой для эрны Кэдвен, можно сказать, прямо-таки с первого... хм... визита на вечерний чай, но все же при каждой новой встрече с ним она терялась и впадала в замешательство. Глубоко несчастный сам, он без колебаний делал несчастными всех вокруг, ежели ему того хотелось. Хладнокровный и выдержанный что в служебных делах, что в любовных, на поверку он оказался обыкновенным трусом. Когда Грэйн в один прекрасный вечер поняла вдруг, что Рэналд Конри до умопомрачения боится повторить судьбу ее собственного отца, для нее многое стало ясным. А уж когда в минуту душевной слабости тот проговорился, что в той давней несостоявшейся дуэли между ним и Сэйвардом вовсе не капитан Кэдвен отклонил вызов... И в то же время не найти было под тремя лунами пса, более преданного своему господину, чем Конри был предан Вилдайру Эмрису! Преданный и верный, умный и сдержанный, коварный и осторожный – лучшего шефа разведки нельзя и желать. И абсолютно, неподражаемо бесчестный. Впрочем, ей ли теперь рассуждать о чести! Шлюха в мундире – отлично звучит. И как теперь вырваться из этой унижительной ловушки, в которую Грэйн сдуру сунулась, она, увы, не знала.

Бежать жаловаться Священному Князю? Смешно. Да и кто она такая, чтобы Хозяин Архипелага стал вдруг выслушивать ее жалобы, а тем более – предпочел ее шефу своей Канцелярии? Таких Грэйн на Ролэнси десятки сотен, а лорд Конри у Вилдайра Эмриса один.

Подать в отставку? Ха! Так ее кто и отпустит теперь... живой. Как же! Из ведомства лорда-секретаря только два пути – либо наверх, либо вниз, по ступенькам в подвал, а потом – длинным коридором, в конце которого – сырая кирпичная стенка со следами от пуль... И потом – как же Кэдвен, как же ее люди – арендаторы, за три года успевшие привыкнуть к нетребовательной молодой владетельнице, как же, в конце концов, безногий ир-Фрэйд, ее денщик и управитель, и веселая толстушка Сэйринн, его жена? Она – их эрна, кто, кроме нее, защитит их?

Помимо этого, служба в Канцелярии Грэйн нравилась, по-настоящему нравилась. Известная доля риска в каждом задании, возможность дать волю и выход пресловутому ролфийскому бешенству, определенная независимость и самостоятельность, немалое жалованье, а главное – осознание того, что ты нужна и полезна, что верность твою ценят и помнят – и вознаграждают, кстати сказать. Сплошные плюсы и лишь один минус, один, но зато какой...

Утопить самого Конри? Его утопишь, пожалуй. И кстати, такое желание вообще-то называется государственной изменой.

Вот и выходило, что деваться Грэйн эрне Кэдвен попросту некуда. Разве что Вилдайр Эмрис и впрямь организует этот свой Топографический корпус. Или рано или поздно Рэналду эрн-Конри все-таки надоеет сдержанная и неизобретательная любовница и он сам откажется от этой унижительной для нее и утомительной для него связи. По крайней мере, Грэйн делала все, чтобы лорд-секретарь ею, так сказать, пресытился и оставил в покое. К несчастью, пока его, видимо, устраивала и холодность темперамента, и немногословность, и даже то, что эрна Кэдвен так же мало реагирует на пространные речи любовника, как и на его скупые ласки. Надо ли говорить, что легкая девичья влюбленность Грэйн в эрна Конри развеялась все там же, на диване?

В любом случае, Шанта, помимо всего прочего, еще и отсрочка. Целый год без лорда-секретаря! Может, за этот год он найдет себе кого-нибудь другого, кто скрашивал бы ему одинокие вечера соломенного вдовца?

За всеми этими мыслями Грэйи даже не заметила, как ее драгоценный багаж был честь по чести выгружен на берег, а напротив уже несколько минут как нетерпеливо переминается с ноги на ногу капитан эрн-Холдэн.

– Мы уже причалили, эрна Кэдвен, – сказал он. – И все ваши ящики давно на пирсе. Вы, верно, задумались и не обратили внимания?

– Да... – виновато пожала плечами она. – Извините. Конечно же... Ну что, вы тоже к коменданту?

– А как же, – капитан многозначительно приподнял объемистый сверток с десятком печатей. – Дешеш, приказы... Когда теперь досюда доберутся новости? Не раньше весны, пожалуй.

Его правда. Этот рейс «Прыткой» был, похоже, последним. Еще неделя-другая, и начнутся осенние шторма, а там и зима... Навигация в Ролэнси, конечно, полностью не прекращается – в конце концов, порт Эйнсли не замерзает, да и на базе флота на Конрэнте есть гавань, всегда свободная ото льда, но... Все равно регулярного сообщения со штаб-квартирой не будет, наверное, до самого начала апреля, а это значит... Грэйи повеселела и, тряхнув головой, отбросила все мысли о лорде Конри и прочих неприятных и двусмысленных вещах. Плевать! Впереди по меньшей мере несколько месяцев полной и никем не ограниченной самостоятельности, впереди – исполнение важного и личного поручения Священного Князя. И возможность наконец-то просто честно послужить, не оглядываясь на желающих залезть эрне Кэдвен под форменную юбку. Лучшего и пожелать нельзя. Правда-правда.

– Каждый раз вижу это – и так и хочется себя за руку ущипнуть, – ухмыльнулся капитан эрн-Холдэн, кивнув на мирно развевающиеся рядышком на центральном бастионе форта Сигрейи знамена: черно-зеленое с волком и луной – ролфийское и красно-черное с силуэтом горной цепи. Грэйи только хмыкнула, с любопытством разглядывая новый стяг. После известных событий трехлетней давности, когда ролфийский гарнизон, синтафские бывшие пленники и местные шуриа сообща обороняли стены форта Сигрейи-Шила от многократно превосходящих сил Идбера с суши и с моря, а спасены были лишь вмешательством богов в лице диллайнского графа Аластара Эска и Священного Князя Ролэнси, шуриа таки присягнули Волку Архипелага. Но присягнули по-хитрому. Вилдаир Эмрис и шурианские представители недолго ломали головы, как же все-таки узаконить это... хм... неожиданное слияние. В итоге сперва объявленная независимой страна шуриа превратилась в Доминион Шанта в составе Священного Княжества Ролэнси. Подчинялась свежееобразованная провинция, само собой, Вилдайру Эмрису, а в его отсутствие – эрну Тэлдрину, по такому случаю назначенному генерал-губернатором. И гарнизон тут стоял ролфийский, и флот Ролэнси контролировал эти воды, но в остальном Шанта оставалась в принципе автономной. Во внутреннюю жизнь Третьих³ ролфи не вмешивались, кланами по-прежнему управляли их собственные вожди – или кто у них там управляет? Никаких налогов с новых подданных Князь тоже покуда не брал и, насколько знала Грэйи, и дальше не собирался. Шуриа уже сделали то, что от них хотел Вилдаир Эмрис, – добровольно предоставили ему свой остров для превращения оногo в крепость. Что до ролфийского гарнизона и вообще мнения народного по поводу такого резкого прекращения многовековой обоюдной ненависти... Во-первых, приказы Священного Князя не обсуждаются, а выполняются, ибо Священный Князь всегда прав. А во-вторых... смотрим пункт один. Вилдаир, конечно же, не дошел до того, чтоб приказать своим подданным вдруг в едином порыве возлюбить проклятых Третьих, но все газеты Эйнсли неоднократно цитировали его знаменитую «родственную» речь, а уж фразочка о «кузенах» вообще ушла в народ. Эрна Кэдвен до сих пор восхищенно клала зубами, вспоминая... «Как мы, ролфи, дети Морайг, так и шуриа – дети сестры ее, Глэнны. Так кто же мы друг другу, если не двоюродные братья?» Там много чего было, в той речи, – и про изменившиеся времена, и про родственные связи, и про дружес-

³ Третьи – одно из названий народа Змеиной луны шуриа, также именуемого проклятыми.

ские руки, протянутые сквозь пожарища войн. Неожиданное, а тем более – не прямое родство пришлось по душе и тем, и другим. Право же, Проклятие-то никуда не делось, и прижимать друг дружку к груди с криком «Брат мой!!!» ролфи и шуриа было пока что рановато.

«Но, похоже, все к тому идет, – подумала Грэйи и сурово сжала челюсти, чтоб не позволить себе расплыться в многозначительной ухмылке. – Еще каких-нибудь лет сто-двести, особенно если и впрямь удастся совладать с таким наследством, как Проклятье Сигрейи... А то и раньше, если нас все-таки поторопят северяне».

Хотя некоторые ролфи уже сейчас были бы совсем не прочь прижать к груди неких шуриа: Джойану Алэйю Янамари, дорогую Джойи – по-сестрински, а ее обильного косами сородича – с чувствами несколько иными, хоть и не менее теплыми.

Но сперва – дела! Доложить о прибытии коменданту... ох, извините! – генерал-губернатору эрн-Тэлдрину, порадовать капитана Нера новеньким патентом, собрать геодезические приборы и провести краткий инструктаж... поужинать в дружеской компании братьев-посвященных. И не забыть про баню – все-таки полторы недели в море. А наутро... наутро следует незамедлительно приступить к выполнению приказа Его Священной Особы, то бишь отправиться по мере сил описывать земли Шанты и укреплять связи с местным населением. Причем с одним представителем этого населения Грэйи с удовольствием возобновила бы эти связи, а также укрепила, упрочила и всячески углубила в самое ближайшее время. Впрочем, бегать по горным тропам Тэлэйт, выкликая Джэйффа Элира, эрна Кэдвен не собиралась. Сам найдет. Новости по Шанте разносятся быстро, а прибытие корабля-курьера – новость важная и приятная. Джэйфф жив – это она знала точно, просто знала – и все. А что до всего остального... «Захочет – сам придет, – спокойно рассудила Грэйи. – Он свободен, но и я, покуда здесь, – свободна тоже».

– ...за добрые начинания! – провозгласил очередной тост эрн-Тэлдрин, с отнюдь не генерал-губернаторской простотой хлопая меж лопаток сосредоточенного капитана Нера. Диллайн невозмутимо кивнул, будто клюнул. Грэйи подперла рукой подбородок и лирично вздохнула, едва не забыв вплести свой голос в нестройный хор сотрапезников, подхвативших возглас Вилдайрова наместника.

– За добрые начинания!!!

Стекла в комендантском доме обиженно звякнули, эхом отзвываясь на стук сдвинутых кружек. Офицерское застолье в домике коменданта... то есть резиденции генерал-губернатора, было в разгаре и велось по-простому, без особенных изысков. Оловянные стаканы, конрэнтский самогон, черный эль, нарезанное и разложенное горкой посреди стола на деревянном блюде мясо, клубы табачного дыма под потолком и подлинное единение. Кстати, эрн-Тэлдрин все поголовно продолжали именовать комендантом, да он и сам не возражал, аргументируя нарушение субординации тем, что «генерал» и «губернатор» не сразу и выговоришь.

«Какие они все славные», – умиленно подумала эрна Кэдвен, ощущая распирающую нутро потребность спеть что-нибудь оч-чень ролфийское. И поскольку в своем желании девушка была не одинока, вскоре стекла звенели еще жалобней, а с крепостного двора ролфийское пение подхватили собаки.

– Нет, ну вот я только одного не пойму никак, Нер, дружище... – недоуменно спросил новый командующий батареями форта Сигрейи (а заодно и всей прочей артиллерией на острове) капитан Арэйс эрн-Инвэйр. – Вот как так может быть? Ты ж диллайн и в Локку не веруешь, так?

– Так, – кивнул бывший синтафец.

– А как тогда ты можешь быть ролфийским офицером, а? Нет, ну пока ты был синтафский капитан, все в порядке было, все... со-от-ветство-вало! А теперь как же ж? Без посвящения?

– Логично, – согласился Нер. – Без посвящения – никак.

– И что делать? – эрн-Инвэйр воззвал сразу ко всем присутствующим. – Локка не примет!

– Не примет, ни за что не примет, даже и пробовать нечего, – разочарованно покачал головой эрн-Тэлдрин. И повернулся к Грэйну: – Эрна Кэдвен! Ну как же так? Что сказал Священный Князь? Что делать будем?

– Священный Князь сказал... – начала было она и с удивлением поняла, что на этот счет Священный Князь ничего не говорил. – Ой... А давайте, – тут же нашлась Грэйну, – посмотрим, что там в патенте написано! Если он ничего не сказал, значит, написал!

– Точно, – кивнул комендант. – Мартайн, давай патент. Сейчас. Почитаем. Вот... пусть эрна Кэдвен прочтет.

«Я тут самая трезвая, что ли?» – удивилась девушка, но послушно развернула бумагу.

– Та-ак... А! Ну, вот видите! «... в связи с невозможностью приведения к присяге... даровать чин инженер-капитана военно-топографической службы... в статусе вольноопределяющегося специалиста... каковой статус имеет силу лишь в пределах Доминиона Шанта... на срок, достаточный...» Вот! Слышали! Вольноопределяющийся! Стало быть, не на действительной, – Грэйну почесала затылок. – Это что же получается... Господин Нер, вы теперь – первый шантский офицер?

– И единственный, похоже, – пожал плечами новоиспеченный инженер-капитан и аккуратно сложил патент.

– За первого шантского офицера! – радостно вставил новый тост эрн-Холдэн. – Вечно вы, армейские, мудрите. А давайте его Морайг посвятим тогда, раз Локка не принимает?

– Не, не надо, – возразила эрна Кэдвен. – Не будем топить. Я вам сейчас скажу, что Локка сказала... О! Она сказала: «Всякий огонь, где бы он ни горел и кто бы его ни зажег, – все равно мой Огонь!» – Ролфийка торжественно поднялась, опираясь о край стола, и воздела стакан: – За Огонь, господи!

– Огонь и Верность!!! – рявкнули собравшиеся.

– Хор-роший тост, – одобрил эрн-Тэлдрин.

А Грэйну вдруг вспомнила, что еще говорила ей Локка, – и заставила себя погасить шалую улыбочку. Пламя Огненной Луны... оно разное бывает, да. И вот любопытно... а раз любопытно, надо проверить!

– Пр-рошу извинить меня, господи! – Она тряхнула головой и решительно расправила плечи. – Вынуждена вас покинуть. Пойду... пр-рогуляюсь... по бастионам.

– Доброй ночи, эрна, – махнул рукой комендант. – Поосторожней на стенах.

Грэйну еще раз тряхнула головой и тщательно застегнула мундир.

– Непременно, эрн-Тэлдрин.

И вышла вон, шагая очень твердо и исключительно по прямой, как и подобает не очень трезвой, но оч-чень сосредоточенной ролфийской женщине-офицеру. Потому что ролфийские офицеры, даже пьяные не столько от спиртного, сколько от запаха свободы, шагают всегда твердо. Да! А главное – ничего не забывают. Например, где именно начинается тот самый подземный ход за стены...

«Поллюбоваться на то, как Морайг и Локка смотрятся в свинцовые воды моря Кэринси, – убедительно сказала сама себе эрна Кэдвен. – Воздухом подышать. Освежить голову немного, опять же...»

Что верно, то верно, холодная вода освежала изрядно – и горящее лицо, и жгучие мысли. Грэйну присела у самой кромки приboя на плоском камне, о который с шипением разбивались серебриющиеся в лучах полной Морайг волны, и, зачерпнув ладонью, подумала вдруг – почему нет? Если ненадолго, совсем на чуть-чуть... не так уж и холодно сейчас, всего лишь сентябрь, право! – так и думала она, а пальцы уже сами расстегивали мундир. Небрежно сбросив одежду прямо на камень, Грэйну потянулась, вздрагивая от предвкушения, – и с коротким невнятным возгласом шагнула вперед. Кровь Морайг обожгла, оглушила мгновенным холодом, но ролфи

и сами рождены от этой холодной кипящей крови, а потому эрна Кэдвен в несколько мощных гребков разогрела ошеломленное столь резким купанием тело, окунулась раз, другой – и легла на спину, раскинув руки в струящемся живом серебре. Кровь моря холодна, слезы моря горьки, но если и они не смоют все, что narosло за эти три года, все, что налипло, если и они не очистят, то что же поможет тогда? Откинуть голову, покачиваться на волнах, будто в ладонях матери... ведь так и есть, она же Мать всем ролфи, Белая Волчья луна. И увидеть в сияющих лунах не просто светила, но – лица... и услышать не плеск, но – голоса... «Как же давно вы не смотрели на меня, боги, как давно не говорили со мною. Верно, была недостойна».

Морайг взглянула с небес и улыбнулась молча, а Локка прищурилась и плеснула в кровь мгновенным жаром: «Гляди-ка, моя Верная, кто пришел!»

Грэйи на миг зажмурилась от невозможного, понятного лишь ролфи счастья – да! Они слышат! Они отвечают, и я снова слышу их! А потом ухмыльнулась в ответ богине, прекрасно зная, кто мог прийти сюда в этот час и этим путем. По правде-то, никто другой сюда прийти и не смог бы! Знала же, да и звала – и вот... Ролфи нащупала ногами дно и не спеша развернулась, стоя в воде по пояс.

– Ну? – нетерпеливо спросила она. – Ты все-таки сможешь мне вылезти или будешь стоять там и ждать, пока я совсем окоченею?

– Морская волчица, – ухмыльнулся бывший рилиндар и протянул ей руку. – Поймал!

– Сам же говорил, что в рыбной ловле вам, лукавому змеиному племени, нет равных, – хмыкнула Грэйи, выбираясь на камень. – А как насчет промысла морского зверя? – И прошептала в самое ухо, прижимаясь крепче: – Думается мне, что нынче боги послали тебе удачу, охотник. Не упустишь?

Боги, боги... вы же видите это, правда, видите? Какой он теплый, невероятно, невозможно теплый, живой, какой же он – настоящий! Мир пусть качается и трещит, луны могут пасть на землю, а земля – уйти в море, а море – истаять, выкипеть, иссохнуть... Пусть! Стоять так, накрепко вцепившись, и, задыхаясь, слушать, как шепчет: «Мокрая ролфи...» И дерзко и беспечно ответить, потрянув головой: «И очень, очень холодная ролфи. Замерзшая ролфи, до костей продрогшая ролфи – так и знай!..»

И не надо больше ничего говорить, и думать ни о чем больше не надо. Все правильно, все по-настоящему, так, как должно быть... и так будет впредь. Год, боги, целый год! Много, мало – неважно! А ночь... с нею можно договориться, ведь правда же, можно? Она отступит, она не посмеет...

Слышите, боги? Не смей! Не отдам.

Скалясь на светлеющее небо, как настоящая волчица, Грэйи сторожила чутко и зло. До утра.

Он-то ведь думал, что дело в Яльдана Нимрэйде, в мелком пакостнике, в этом скоморохе в уродливой маске. Хела не приняла ползучего гада, выплюнула на берег с омерзением и гадливостью. А следовательно, отдала в руки Джэйффа Элира, на его суд.

Мужчина сладко хрустнул рыбьим хребтом, облизываясь и урча от удовольствия. Вкусная камбала, вкусные воспоминания.

Ох, какая это была охота! Всем ловам лов! Воин против разбойника, мужчина против насильника, шаман против масочника. Воин убьет врага, мужчина завоюет сердце женщины, шаман... С разбойником, насильником и предателем Джэйфф поступил именно как шаман. Он не стал долго пытаться выродка, не стал медленно сводить его с ума от нечеловеческих мук. О, нет и нет! Бывший рилиндар убил бывшего капитана «Ускользящего» быстро и чисто. Потому что нет в этом мире такой казни, которая бы воскресила жертву или повернула время вспять, отыграв все назад. Иное дело – дух Яльдана Нимрэйда. Его Элир приговорил к участи страшной, связав своей волей, обратив в бессильный призрак, лишенный к тому же дара речи. Наказанному духу пришлось смотреть, как бывший воин Рилинды с полнейшим знанием дела снимает скальп с Яльдана Нимрэйда, отрезает голову, вываривает ее и делает из черепа светильник в своей холостяцкой берлоге. А еще ему предстоит неоднократно наблюдать, как Джэйфф Элир будет любить Грэйн эрн-Кэдвен – нежно, до изнеможения, раз за разом даря женщине наслаждение. Да, шуриа мстительны, а месть их неотвратима, точно закат или рассвет. Ну и что?

Рилиндар допил черничный отвар и засыпал костер песком. Пора было собираться. Самое время зайти к Ройану Лореа за обещанной лошадкой, на которую они с Грэйн погрузят подарки для Джоны и детишек. Там ведь целый сундук гостинцев: игрушек, книжек, одежек.

И все же дело не в Яльдана. Так, так... А в чем же? Или в ком? И что, если Элир расправился только с орудием, в то время как рука, направившая его, осталась невредима?

Целый год – это много или мало? И хватит ли года, чтобы вылечить любовью дух женщины?

Ты вернулась, Грэйн эрн-Кэдвен. Но вернулась несвободной и не пришла к нему, к Элиру, а сбежала от кого-то. А значит, снова уйдешь, чтобы потом вернуться. Просто так, без условий, без причины, без повода шагнешь навстречу и останешься. Так будет!

Джона

Шэррар родился в конце февраля, и вместе с ним, наверное, родилась новая Джойана Алэя Янамари. Сделала первый вдох вместе с сыном: только он закричал и заплакал – а Джона улыбнулась. За стенами дома выла вьюга, где-то вдалеке ревело обезумевшее море – это Шанту трепал зимний жестокий шторм. Самое время родиться третьему и последнему сыну князя диллайн и беглой шуриа. Ночью, в бурю, в крошечной горной долине, на затерянном в ледяном северном море острове, ставшем последним пристанищем для народа проклятых.

– Здравствуй, Шэррар! – сказала Эндрита, обтирая от крови и слизи крошечное тельце новорожденного, и спросила у матери: – С именем ты давно решила, а как насчет рода?

– Ияри будет, – хмыкнула роженица.

– И то верно. Ияри-то ведь не осталось совсем.

На том и порешили, и когда уже по весне примчался Аластар – отец младенца, то возражать он не стал. Право, с его стороны было бы лицемерием предлагать ребенку фамилию Эск, ребенку, которого он никогда не сможет признать сыном.

Риск был велик, доведайся эсмонды про детишек – и не жить ни им, ни их сумасшедшей матери... Но когда это было, чтобы проклятые шуриа позволяли встать закону на пути их желаний? Шуриа живут, пока кипит в крови донджета – Жажда Жизни, пока чувствуют они радость и ужас, ненависть и страсть, пока мир продолжает их удивлять и страшить.

В тот незабываемый, переломный во всех отношениях год случилось много всего – похищение Джоны ролфийской офицершей, их безумное совместное бегство через пол-Синтафа, кораблекрушение, страшные приключения на Шанте, осада форта, битва – все, чтобы жаждать жить с неистовой силой. Но главное не это, совсем не это. Той весной Джона обрела сестру по духу – Грэйну эрну Кэдвен – и зачала с Аластаром сына – вот что важно на самом-то деле. Сестра и сын. А еще остров Шанта. Целое состояние для одной-единственной женщины, как ни крути. Джона знала, что обязательно вернется на него, но не думала, что это случится так скоро и поспешно...

За три года Эндрита так и не научилась стучаться или каким-то иным способом предупредить о своем появлении. Она ворвалась в дом, словно маленький шторм, состоящий из улыбок, сплетен и новостей.

– Марти вызвали в форт, представляешь? Ему Священный Князь пожаловал звание капитан-инженера... этих... топо... то-по-гра-фи-чес-ких войск, представляешь? – прямо с порога объявила она. – С Ролэнси пришел курьерский кораблик... Маленький такой... Шнява.

– Почту привез? – сразу оживилась Джона.

Ей уже не терпелось получить письмо от Грэйна. Как там она? Что с ней? Как дела в Кэдвене? Письма из Ролэнси, письма из Янамари, письма из Амалера. Целый сундук писем, хранимый бережно, оберегаемый от шаловливых детских рук и мышей. Читанные-перечитанные, обмусоленные, затасканные в карманах передника, чтобы в любой момент достать и пробежаться глазами по строчкам. Угловатые, похожие на руны – от Грэйна, каллиграфически безупречные – от Аластара, летящие – от Раммана. Чтобы прижать к груди, чтобы всплакнуть и тут же засмеяться. Они где-то рядом, они, раскиданные по всему миру, все равно рядом, там, где сердце. У Джоны на суставе среднего пальца правой руки от писанины мозоль образовалась. Каждый день садилась она за маленький столик и писала, писала, писала. Рамману, Аластару, Грэйну – сыну, любовнику, сестре. Ни дня без мелко исписанного листочка столь дорогой на Шанте бумаги. И казалось, прервется этот нескончаемый поток писем – порвется важная ниточка внутри, что-то закончится, утратится безвозвратно. Каждый день три года подряд.

– Лучше! – воскликнула Эндрита, не умевшая к тому же держать в себе радостные известия дольше пяти минут криду. – Твою эрну привезли собственной персоной, живую и невредимую!

– Грэйи! – взвизгнула Джона.

Схватила в охапку опешившую гостью и закужилась с ней по маленькой комнате в каком-то бешеном шаманском танце.

– Грэйи, Грэйи, Грэйи!

Идгард, прибежавший на гвалт, только глазищами своими янтарными хлопал, глядя, какие коленца выкидывает его шумная, беспокойная мать, как она подпрыгивает и кружится, точно расшалившаяся девчонка.

– Грэйи, Грэйи, Грэйи!

– Что случилось, мама?

– Моя Грэйи вернулась! Она вернулась.

И не удержи Эндрита с Идгардом в четыре руки Джону, побежала бы пешком в форт Сигрейи. Вприпрыжку, подскакивая на одной ножке и приплясывая. Совсем как легкий золотистый листочек на ветру. В гости к Шанте явилась осень, а к Джойане Алэйе – Грэйи эрна Кэдвен. У каждого свои подарки и радости.

– Да куда же ты? Потерпи пару деньков. И вообще, за ней уже Джэйфф рванул. Как услышал, так и поминай как звали. Ветром дуло, – уговаривала Эндрита подругу.

Что правда, то правда. Джэйфф – это святое. За ним право первым обнять эрну. И поцеловать тоже. И вообще...

Джона взяла себя в руки. Да – она подождет. Она накроет на стол, она приготовит тушеного кролика, умоет детей, научит Шэррара говорить по-ролфийски: «Здравствуй, тетя Грэйи» – и придумает еще сотню сюрпризов для своей единственной сестры, для своей Грэйи.

Эндрита и Идгард ничуть не удивились. Так же заполошно встречала она Аластара – металась как угорелая по домику, наводила порядок, попутно все рассовывая в такие места, что потом не найти нужную вещь месяцами, пела и танцевала, не скрывая нетерпения. Шуриа, она и есть шуриа. Но если Аластар Эск приплывал на Шанту довольно часто, если не сказать регулярно, то с Грэйи они не виделись целых три года. Что-то будет за встреча?

– Ну чего ты скачешь, как коза? Сказывали, будто она на целый год приехала. Еще и наговоритесь, и нацелуетесь, и посоритесь успеете, и помириться тоже, – ворковала Эндрита, жена инженер-капитана Нера, усаживая на колени любопытного Шэррара. – Смотри, Шэри, твоя мама совсем ополоумела от радости. Ничего, скоро придет к нам настоящая ролфийская лейтенантша – тетка строгая, но большая и сильная. Ужо ты у нее на плечах покатаешься. Точно-точно тебе говорю. Как у дядюшки Джэйффа, только мягче.

Мальша перспектива покататься верхом на ролфи обрадовала. Идгарда тоже. За три года он успел основательно подзабыть, как это – быть сыном имперской графини, и вполне втянулся в жизнь малолетнего обитателя Шанты. И кабы не отец, то и вовсе превратился бы в настоящего шурианского мальчишку, даром что весь из себя диллайн. Совенок не только лазал по деревьям и оврагам или играл в «солдат-разбойников», но и помогал матери по дому, следил за малышом и выполнял всякую мелкую домашнюю работу. На Шанте слуг нет даже у графинь. Джона с помощью Эндриты и ее матери кое-как себя и детей обихаживала, но за это Эск кормил весь крошечный поселок. По правде говоря, без его помощи прошлой зимой они бы все померли от холода и голода. На Шанте-Тэлэйт не забалуешь и не расслабишься.

Грэйн и Джона

Селение притаилось в долинке – совсем крохотное, будто игрушечное: несколько крытых дранкой домишек, скромные лоскутки огородов, белые пятнышки коз на склонах холмов. В общем-то мало нашлось бы отличий, вздумай вдруг Грэйн сравнить эту деревеньку с любой другой в горах Конрэнта. Разве что шуриа строят жилища из дерева, а ролфи предпочитают камень и крыши кроют черепицей. А так – все то же. Хотя не совсем. Шанта все-таки южнее, да и земля тут получше. И козы поупитанней, пожалуй.

От крайнего домика кто-то бежал по тропинке... женщина: развевались линиялы шерстяные юбки, разлетались из-под холщовой косынки тяжелые косы...

– Джойн! – крикнула Грэйн и замахала ей рукой, быстро подбирая подол форменной юбки. А потом сорвалась навстречу.

Они столкнулись, обхватили друг друга крепко-крепко, смеясь и целуясь. Маленькая, дочерна загоревшая шуриа, словно настоящая змейка, обвила руками шею ролфи, и эрна Кэдвен подхватила ее, легкую и душистую, словно яблоко, и закружила, от радости клацающая зубами. А та смеялась, тормозила ролфийку и все спрашивала:

– Ты же надолго? Ты же к нам надолго?

Вся Лирния высыпала на крошечную площадь возле колодца. Как же не поглазеть на ролфийскую офицершу, когда есть такая возможность.

А Грэйн-то наша какая! А Грэйн-то! В сером гвардейском мундире, с запашной юбкой. Сапоги начищены, берет лихо заломлен на ухо. И эполеты у нее лейтенантские, и аксельбанты! Сабля у бедра, пистолеты за поясом. И коса толстая, черными уставными шнурками перевитая, волосок к волоску. Джэйфф, так тот вообще глаз не сводит. Дождался-таки. Они все дождались.

Ролфи клыкасто ухмыльнулась, тряхнула головой и, не выпуская Джону из крепких гвардейских объятий, рыкнула:

– Не знаю. У меня же приказ! Описывать остров, укреплять связи с местным населением... – и засмеялась, подмигнув хитрым зеленым глазом. – Я буду очень тщательно все выполнять!

«Ах ты ж моя! Умница моя!» – радовалась Джона, целуя названую сестру-ролфи в обе щеки.

– Да! Мы будем укреплять связи! Обязательно! Приказ есть приказ, – шуриа лукаво покосилась на рилиндара. – Ты понял? У нашей Грэйн суровый приказ? Нельзя ее подвести!

«Уж кто-кто, а Элир умеет связи укреплять, как никто иной».

– А дети? Ты покажешь? – эрна Кэдвен кивнула на бедную, навьюченную до крайнего предела лошадку. – Я тут привезла кое-что... – Она почесала в затылке, сдвигая берет. – Правда, я не знаю... подойдут ли ролфийские игрушки? Но у тебя же мальчики...

Совершенно излишний вопрос. Стоявший рядышком Идгард был уверен, что игрушки не могут не подойти. И пока гостя не передумала, решил вмешаться. Чинно приблизился, поклонился и сказал по-ролфийски:

– Здравствуйте, посвященная госпожа эрна Кэдвен. Добро пожаловать на Шанту! И... э...

Совенок смущенно поглядел на мать и на Джэйффа. Ну бывает, ну забылись все заученные слова. А как же их не позабыть, когда сабля так близко. Настоящая ролфийская офицерская сабля. Такая, как рассказывал отец, – из закаленной кованой стали, в ясеневых ножнах. Руки сами так и тянутся. Какие тут могут быть приветствия, когда такое сокровище перед глазами.

Домишко у леди Алэйи оказался хоть и маленький, а вместительный. Общая комната, верно, бывшая и гостиной, и кухней: закопченный очаг с большим котлом над ним, стол, дере-

вянные лавки, полки с посудой и пучки трав под потолком. И несколько не дверей даже, а проемов, прикрытых домоткаными занавесками, ведущих в то ли комнаты, то ли пристройки. Зимой это жилище, верно, заносит по самую крышу, а обитатели дома сползаются в центральную комнату, поближе к печи. В общем, когда Грэйн распаковала все мешки с подарками, в нынешнем обиталище беглой синтафской графини сразу же стало тесно.

«Знала бы раньше – привезла бы побольше», – с огорчением подумала ролфи, прикинув, что теплые ролфийские шубы и шапки с волчьими хвостами тут лишними не будут. Правда, миниатюрная Джойн в наброшенной на плечи шубе из полярной лисы буквально утонула, а из пушистой шапки и вовсе торчал только шурианский нос, но все равно! Зато с детскими одежками ролфи не промахнулась, и сапожки наверняка подойдут Идгарду, а под меховым одеялом все семейство уместится целиком.

Но больше всего Грэйн, конечно же, беспокоилась насчет игрушек. Вообще-то, строго говоря, игрушками их можно было назвать с натяжкой: эрна Кэдвен выгребла с чердака имения все оставшиеся от отца и чудом избежавшие конфискации вещи. Верно, никому было не нужно это старье. Но, вопреки опасениям, «совиному» сыну Джойн пришлось по душе и незавершенная модель корабля, и старые лощи, и потрепанный «Устав морской о всем касательно верного управления в бытность флота на море»... А уж про немножко облезший, но зато самый настоящий капитан-лейтенантский эполет (тот самый, который моряки именуют «шваброй») и говорить нечего. Идгард не успокоился до тех пор, пока мать не приметала наскоро это сокровище к курточке ребенка.

Теперь мальчик, разрываясь между желанием полистать «Устав» и дотянуться до темляка, а то и до эфеса, нарезал круги вокруг повешенной на стенку ролфийской сабли, а Грэйн и Джона сидели на лавочке у западной стены дома, любовались на вечернее небо и говорили, говорили и не могли наговориться. Ролфийка расстегнула мундир и развязала шейный платок, наслаждаясь покоем. Сегодня же гвардейская форма отправится на крючок в кладовку, где и будет себе мирно висеть, пока эрна Кэдвен исследует остров. А вот саблю ролфи заберет, поэтому нужно все-таки позволить Джониному сыну рассмотреть ее как следует, а то и взмахнуть пару раз – под присмотром, конечно же...

Шуриа вздохнула и погладила Грэйн по плечу:

– Я так ждала тебя. Я так соскучилась.

– Я слышала твой ветер. – Ролфийка улыбнулась, припомнив теплое касание родства, как бы невероятно это ни звучало, неведомой магией или волей богов долетавшее до холодных холмов Конрэнта.

– Отсюда, с Шанты, ему ближе лететь. – Джойн улыбнулась в ответ. – Гораздо ближе.

Шанта. Как случилось, как вышло, что синтафской графине пришлось искать убежища здесь, на этом острове? Хотя почему так вышло, Грэйн прекрасно понимала. Достаточно было одного взгляда на среднего сына леди Янамари, чтоб убедиться – сбежала она вовремя.

– Рассказывай, Джойн. Твой сын, – ролфи кивнула на Идгарда, – настоящий диллайн. Как тебе удавалось это скрывать? Боги... как ты сумела от них удрать, Джойн? Они же ничего не сделают твоему старшему? Или?..

Письма письмами, но дорога через пролив Беруин и море Кэринси долгая, а цензор обязательно посмотрит, чего там пишет с Шанты некая Джойана Ияри гвардейскому офицеру из Канцелярии лорда Конри.

– Я не рискнула вдаваться в подробности. Сама понимаешь.

Про то, как сентябрьским вечером три года назад из Саннивы весь в мыле примчался Аластар, отягощенный дурными новостями и настроенный немедленно увезти Джону и Совенка в Эббо, в письме не напишешь. Приказа тива Хереварда относительно Джоны ведь никто не отменял. И по пятам Эска уже пустили погоню.

Надо было видеть выражение на его диллайнской невозмутимой физиономии, когда ветер натянул платье на едва заметном, но уже округлом животе леди Янамари. Помнится, Аластар где стоял, там и сел.

«Ты – ненормальная женщина, – сказал он шепотом, созерцая доказательство своего клятвopеступления. – Сын?»

«Да, – с вызовом заявила графиня. – Твой сын».

«Джона, когда-нибудь я тебя убью», – молвил задумчиво князь.

На четвертой сотне лет жизни уже можно научиться брать себя в руки. Аластар увез их обоих из Янамари буквально в том, в чем стояли. Джойана едва успела попрощаться с Рамманом. Теперь о бегстве в Эббо и речи быть не могло. Там тоже есть глаза и уши Эсмонд-Круга, и как только те дознаются о ребенке... Только полный придурок не поймет, чье это дитя.

– До Шанты у тива Хереварда руки не дотянутся. А Рамман. – Джона тихонько вздохнула. – Теперь он граф, полноправный хозяин Янамари, мужчина и землевладелец, ему ничего не сделают. Аластар не допустит. Мы же с Идгардом объявлены пропавшими без вести. Если бы ты знала, как я скучаю по Рамману, по Янамари, если бы ты только знала.

Грэйи слухала и качала головой.

– А третий? Джойн... я даже представить не могу, как же ты смогла! Он – чудесный, но... Ребенок, сейчас, здесь? Да, твой диллайн прав, они бы достали тебя в Эббо. А здесь... остров еще не полностью вычищен, и форт только один. – Ролфи нахмурилась. – Здесь – опасно тоже!

Права она, конечно же. И любая мать, да и не мать, осудила бы Джойану за безрассудство, но не все так просто. А бывает ли вообще «просто» хоть где-нибудь на свете?

– Понимаешь, у князя крови может быть только три сына, ими должны были стать сыновья Аластара от его жены, от Леди-Совы, они были бы эсмондами, могучими колдунами, одержимыми Верой. А следовательно, врагами собственного отца. Грэйи, я лежала рядом с ним, смотрела, как он спит, и видела смертельную тень на его лице, ее печать на его губах, ее клеймо на лбу. И вдруг поняла, что должна избавить его от этого долга. И... да, я сняла свой браслет. Возможно, я пожалею, и очень жестоко. Но... Мои дети – это есть моя любовь.

Дети. То, без чего пуста жизнь любого ролфи. Погибнуть, не оставив после себя детей, – значит, помимо всего, кануть в ледяные пустыни между жизнью и смертью, скитаться там бесплотным и бесприютным духом, ибо некому будет зажечь для тебя путеводный огонь «родительской» свечи... Недаром ролфи даже прощаются так: «Помню тебя!» Каким угодно великим ты можешь быть, но если не осталось никого, кто помнит тебя, кто зажжет для тебя огонь, – ты мертв. Ты – ничто, меньше даже, чем тень...

Под так и не зацветшими яблонями в поместье Кэдвен скоро будет бегать один волчонок – дитя управляющего ир-Фрэйда и его жены. И это – хорошо! Без детей пуста не только жизнь, но и дом. Но загадывать, случится ли когда-нибудь так, что серый камень стен Кэдвена огласит смех волчат кровью от крови его владетельницы... Загадывать это Грэйи не хотела. Как не хотела бы для своих волчат незавидной доли незаконнорожденных... а тем паче – полукровок!

Ролфи помолчала, а потом молвила задумчиво:

– У тебя жестокая любовь, Джойн.

– Может быть... – Шуриа испытующе посмотрела на Грэйи. – И я слишком люблю тебя, чтобы не спросить – все так плохо? Тебе было нелегко... Там, на Ролэнси, ты... ты была несчастлива?

Почувала, значит. Поняла. Догадалась. Впрочем, иначе и быть не могло – они и впрямь слишком близки, чтоб скрыть такое... Другое дело – только ли Джойн увидела и поняла так много? Меньше всего сейчас Грэйи нуждалась в жалости. Когти Локки! Она виновата сама и заплатит сама, и нечего тут... И как объяснить?

Эрна Кэдвен нахмурилась и настороженно огляделась, а потом все-таки созналась очень-очень тихо, чтоб, не попустите боги, не услышал никто, кроме Джойн. Она сама – женщина, она поймет и сохранит эту позорную тайну:

– Да. Я... я была неправильной, Джойн. Все было неправильно, не так, как должно быть, понимаешь? Они... другие офицеры... – Ролфи вздохнула и взмахнула рукой, пытаясь подобрать нужные слова: – У них все правильно: есть верность, и братство, и честь в служении! А я... Я – любовница Конри. Если это можно так назвать.

И безнадежно и виновато опустила голову. Уже привычное желание застрелиться нашло Грэйна даже здесь, на Шанте – полно, да оставит ли оно ее хоть когда-нибудь?

«Бедная моя, голова тяжелая, к земле тянет», – подумалось шуриа. Она же видела, как угнетен дух названной сестры. И горестно вздохнула:

– Он так и не отпустил тебя, этот бешеный пес. За что он тебя ненавидит? За что он преследует тебя? Я же поняла, я догадалась – это он не предупредил тебя насчет «Ускользящего». И то, что там случилось... Грэйна, это его вина! А ты... ты правильная и настоящая. Это он – неправильный ролфи.

Злость, бессильная злость душила Джону, когда Грэйна в порыве откровенности поведала про своего отца и Конри. Про мнимое предательство и настоящую смерть в позоре, про наказание безвинных и подлость человеческую.

«Великие Духи! Шиларджи милосердная! – хотелось вскричать шуриа. – Да неужели ты видела мало таких историй, древних, как этот мир, мерзких, как сама мерзость, заставляющих людей проклинать самую Жизнь и молить о Смерти?»

Сизая луна молчала в ответ. И верно, что тут скажешь? Пока люди остаются людьми, до тех пор все будет повторяться без конца. Такова уж природа двуногих существ – где душа, там и малодушие, где милосердие, там жестокость.

– И я не знаю, что теперь делать, – вздохнула Грэйна. – Это как болото – с каждым движением увязает все глубже. Пасть к ногам Князя, умоляя защитить? Согласись, это смешно. Уйти в отставку я не могу... это не так просто, уйти из нашей Канцелярии. Разве что вызвать его на дуэль! – Девушка печально хмыкнула. – Так ведь не примет вызов, а потом припомнит, как отцу припомнил... Я... знаешь, я все сделала, чтоб убедить его, что не хочу на Шанту. Чтоб не понял, что хочу.

– Хорошо, что тебе удалось его убедить. Ах, бешеная псина, как же он тебя измучил! Хорошо бы, чтобы он тебя вообще забыл. – Шуриа задумалась и прищурилась на заходящее солнце. – Пожалуй, мне стоит объявить ему вендетту. Ты моя сестра, он обидел сестру принцессы Шанты, он наступил на хвост шуриа. – Сузив глаза, она повернулась в сторону Ролэнси и зашипела совсем по-змеиному: – Слышшшшшшшш, Конри, тебе не жжжить!

И грустно рассмеялась, припомнив, верно, то же, что вспомнилось и Грэйне, – трюм «Ускользящего»... Ролфи хмыкнула, изрядно смущенная, – видит Локка, не маленькой шуриа оборонять большую и сильную ролфи! – а потом ответила очень серьезно:

– Джойн, не надо. Я знала, на что шла. Мой командир, там, еще в форте Логан – я рассказывала тебе о нем? – предупреждал меня. Но если бы не Конри, я бы не отправилась в Синтаф, не встретила бы тебя, а потом, – она улыбнулась, – и Джэйффа. Я теперь хитрая, Джойн. Я спрячу здесь свою честь, зарюю где-нибудь под кустом, прикопаю. – Ролфи рассмеялась, живо представив себе эту картину: вот она кверху задом роет глубокую яму, а потом забрасывает тайник мягкой черной землей... и метит сверху. – Заначу добычу на черный день. Тут Конри ее не найдет. Никто не найдет.

Небо темнело, над горами поднималась все выше и выше Змеиная луна. Воздух пах так сладко, как только пахнет он на пороге родного дома. Джойана вдохнула его и улыбнулась наливающейся сизой сталью Шиларджи.

– Ах, как странно все получается, Грэйн, – сказала она. – Ты ведь такая ролфи, настоящая ролфи, и все равно – другой такой ролфи не найти. А я вот за три года стала совсем-совсем шуриа и одновременно перестала быть ею. Сбросила кожу, родилась заново и, наверное, кое-что поняла... Помнишь, ты говорила, что надо уметь отступить, затаиться. Отступи покамест, стань немного шуриа, живи только сегодняшним днем. Впереди у нас прекрасная осень, а за ней замечательная зима, а потом и весна не за горами и не за морями... И рядом буду я, и рядом будет Джэйфф. Мы же с тобой, мы тебя любим, ты – наша.

Шуриа по-матерински обняла Грэйн, прижала ее голову к груди своей, погладила по волосам, как бы говоря: «Не утешить мне тебя, сестра моя, не разогнать прочь печали, нет, не разогнать».

– Есть хорошая песня, древняя, – шепнула она на ухо. – Я тебе спою ее, моя Грэйн.

«И тебе, Шиларджи – Мать Земли, и тебе, остров Шанта – Последняя Гавань».

И запела тихо-тихо про то, как однажды Змея, устав скитаться, найдет укромную нору, заснет в ней и прорастет яблоней. И придет под ту яблоню Волк, и ляжет у корней. А следом прилетит Сова и сядет на ветку. И тогда зацветет Яблоня. И вызреют плоды – Три Луны – Змеиная, Волчья и Совиная.

Рэналд эрн-Конри, лорд-секретарь Собственной Е. С. О. Канцелярии

Над островом Конрэнт ярился ветер, гремел жестяными отливами под крышей, выл в каминной трубе, нес с близкого моря тяжелые черно-серые тучи, брюхатые бесконечными холодными дождями, которые будут без устали литься и литься, выбивая по зеленовато-коричневой черепице крыши ритм, схожий с рокотом украшенных траурным крепом барабанов. Тех самых, чья дробь сопровождает шаги приговоренного по мокрым доскам эшафота или – по узкому треугольному двору к глухой кирпичной стенке с выбоинами от пуль...

Конри поморщился, резким движением головы отбрасывая навязчивую мысль о том, что ничем иным, кроме петли на шее или ряда черенных дул перед глазами, все его игры не кончатся. Отбросил, запретил... но страх никуда не делся, он был повсюду, он врос в плоть и струился вместе с кровью по жилам. Вечный, неутолимый страх пса, который знает, что – неверен. И жар от сгорающих в камине сосновых поленьев не помогал унять мерзкий озноб, контрабандная кадфа⁷ пополам с бренди не согревала, а собственная власть казалась уже не более реальной, чем мимолетные водяные узоры на толстом витражном стекле. Скоро, уже совсем скоро дыхание Морайг станет ледяным, и дожди сменятся снегопадами, и мало найдется даже среди детей Волчьей луны мореходов, готовых рискнуть и побороться со свирепыми зимними бурями моря Кэринси. И тем паче вряд ли същется курьерский корабль, способный пройти по такой погоде проливом Беруин и достигнуть скалистых берегов Тэлэйт.

А значит, ждем до весны. Потому что в том деле, поистине тайном, деле, опасно близком к тончайшей грани между служением и предательством, эрну Конри не на кого рассчитывать, кроме посвященной эрны лейтенанта Кэдвен. Только наивные простаки, вроде обывателей или армейских и флотских чинов, ни разу не имевших дел с разведкой, могут считать, что псы из «своры Конри» служат лорду-секретарю. Как бы не так. Нет никакой «своры Конри», есть только – Свора Вилдайра, и любой из подчиненных Конри, не раздумывая ни мгновения, сам повяжет начальника и бросит его к ногам истинного Хозяина, если дознается о том, что замыслил «всесильный шеф» поистине всесильной Канцелярии... Любой, кроме Грэйн эрн-Кэдвен. И вовсе не потому, что гордая владелица нищего имения по соседству испытывает к своему шефу и тайному любовнику какие-то нежные чувства. О нет! Рэналд эрн-Конри достаточно пожил и немало повидал людей – и женщин! – чтоб не обошлаться на этот счет. Право же, вздумай вдруг девушка в него влюбиться, это было бы совсем неудобно. К чему нужна влюбленность, зачем, скажите на милость, беззаветная преданность, щенячьи взгляды и подвиги во имя? Все это ненадежно, все – эфемерно, а меж тем есть поводок и ошейник гораздо более прочный, тот, с которого не сорвется даже такая бешеная сука, как дочка Сэйварда. Даже два, а то и три, с запасом. Первый – ее отец, верность чести которого заставила девицу забыть, что у нее самой когда-то тоже была честь. Второй – ее Кэдвен и ее люди, эта маленькая преданная стайка, которую она вокруг себя собрала, которыми сама себя связала. А третий – их тайная и постыдная для нее связь, благодаря которой Грэйн точно никуда не денется – и никому никогда о том не расскажет. Огласка погубит не только карьеру эрны лейтенанта, огласка покроет злосчастное имя Кэдвен таким слоем грязи, который не смыть будет и ее правнукам, буде таковые случатся.

Ради этого – настоящей, реальной власти! – можно и потерпеть кислые гримасы подневольной любовницы, ее холодность и молчание. Разумеется, только лишь для забав на столе или на диване лорд-секретарь подобрал бы себе кого-нибудь погорячее, но, право же, самые

⁷ Кадфа – горячий напиток, аналог кофе.

горячие профессиональные ласки женщин в белых платьях не идут ни в какое сравнение с этим ощущением полной и абсолютной власти не только над телом, но и над самой эрной Кэдвен.

«Ты можешь сколь угодно ненавидеть и презирать меня и себя, девица, но все равно никуда, никуда ты не денешься. Потому что на твоей шее – крепкий ошейник Гордости, в моих руках – надежный поводок Верности, а чтоб ты все-таки не бросилась однажды, метя в мое горло, – я прикармливаю тебя по-настоящему интересными заданиями, службой, которая тебе нравится, жалованьем, без которого твои люди подохнут с голоду в бесплодном и нищем поместье. А еще – иногда отпускаю тебя побегать на воле. Вот как сейчас. И ради всего этого ты не осмелишься бунтовать, не бросишься к ногам Священного Князя в поисках защиты и пулю в лоб себе непустишь тоже. А значит – именно ты мне и нужна, Грэйв эрн Кэдвен, именно ты и только ты. И если то, что я затеваю, сорвется... висеть нам с тобой на одной перекладине. Уж я позабочусь».

Конри быстро допил довольно-таки мерзкую на вкус остывшую кадфу, которая с добавлением бренди стала, кажется, еще гаже, и зажег спиртовку, чтобы сварить еще. Никаких слуг не должно быть в этом кабинете, никаких посторонних... никого, кто мог бы хоть краем глаза увидеть, хоть тоненькую струйку учуять запаха... Чего?

Заговора.

Он чуть не облился горячей и черной «имперской смолой», когда наконец-то смог хотя бы мысленно признаться самому себе, произнести это...

Заговор. Государственная измена. Преступление против Князя и богов. Или еще точнее – предательство.

Заговор все-таки предполагает наличие еще заговорщиков, кроме него одного, а это невозможно. Заговорщиков-ролфи не бывает. Кресло Священного Князя незыблемо, потому что он – Священный Князь. Богини-луны – не публичные женщины, они верны Вилдайру Эмрису так же, как он сам верен им, а потому – никаких заговоров, никаких дворцовых переворотов. Тут вам, господа, не Синтаф. Можно втихомолку огрызаться и покусывать собратьев по Своре за уши, но только до тех пор, пока вожак не скажет: «Гр-р-р!» Поэтому – никаких сторонников, никаких тайных обществ и ночных восстаний. Только сам, всегда сам, на свой страх и риск. И благодарение богам, что живет под тремя лунами дура по имени Грэйв эрн-Кэдвен, которой и впрямь некуда деваться. В меру умная, по-настоящему бешеная – то, что нужно.

Конри отпил махонький глоточек обжигающей кадфы и отставил чашку. Придвинул к себе отчет резидента из Эббо и еще раз, с каким-то сладострастием даже, внимательно перечитал его. А потом чуть дрожащими пальцами погладил приложенную к отчету страничку дешевой желтоватой бумаги, испещренную угловатым руническим письмом. Староролфийский – тяжелый язык, он словно специально создан для древних кровавых сказаний и замшелых тайн. И даже здесь, на Архипелаге, далеко не каждый сможет прочитать хотя бы ту строку, что не зашифрована. И уж тем более никто не поймет, насколько они важны, эти несколько слов.

Никто, кроме Священного Князя, Вилдайра Эмриса. И – его пса Рэналда эрн-Конри.

«Писано посвященной Глэнны, хранимо Аслэйг эрн-Акэлиэн».

Аслэйг эрн-Акэлиэн! Ха! Да кто ныне под тремя лунами помнит это имя? Вилдайр Эмрис, его Княгини-супруги – и Конри. Нелегко – не просто быть трусом, но и признаваться в этом самому себе. Никаких тайн от собственного отражения, верно, эрн Рэналд? Трус и рогоносец, но не предатель, нет, не предатель. Только не предатель. Повторять это изо дня в день, словно заклинание, словно молитву. Богини слышат, луны видят. Они всегда и все видят. Разве не Морайг заглядывала в окно спальни, когда он наконец-то получил вождеденную Элайн, уступленную Кэдвенем? Богиня, одно из имен которой – Неверная, не только освещала путь беглянке Элайн, помогая леди Конри без помех ограбить супруга и отбыть на материк, но и отвернулась, когда Кэдвен сполна расплачивался за свое дурацкое благородство! Богини все

видят и читают в сердцах посвященных. Бессмысленно отрицать – он ведь предал, уже предал однажды, и для Вилдайра Эмриса нет в том никакой тайны. Священный Князь знает цену своему лорду-секретарю. Кто предал друга, предаст и государя, если достанет на то храбрости... И однажды, возможно уже скоро, Вилдайру надоест служба его пса, и Конри получит такой пинок под зад, от какого не сможет уже оправиться.

Или Элайн, беглая леди Конри, все-таки впутает его в одну из своих проклятых игр и не оставит ему выбора. Вилдайр не потерпит, если лорд-секретарь Собственной Канцелярии окажется связан с кучкой эмигрантов, плетущих пусть нелепые, но все же заговоры. И тогда пригодятся эти по крупницам собираемые тайны. Старые грешки, старые женщины. Под тремя лунами след остается после любого из шагов. И разве это измена – припасти в рукаве лишний козырь, чтобы в один несчастный, но неизбежный день, когда Священный Князь решит, что очередной шеф его Канцелярии более уже не нужен...

Страх, только страх заставил Рэналда Конри самого себя переплюнуть по части хитростей и умения отыскивать спрятанное. Если бы не страх, как бы он узнал, что давным-давно, в бытность Вилдайра старшим сыном и наследником императора Синтафа, встретила цесаревичу-смеску та, что превратила его – в ролфи. Посвященная Глэнны Аслэйг эрн-Акэлиэн. Конечно же, во времена владычества диллайн и их Предвечного ролфийские богини-луны не в силах были даровать немногим Верным своим силы противостоять магии эсмондов... но все-таки посвященные были. В глубокой тайне и забвении, в бедности и безвестности, но были. Для всех Аслэйг Акэлиэн оставалась всего лишь одной из кастелянш огромного императорского дворца в Санниве, и никто не заподозрил связи меж нею и полукровкой-наследником, а если и заподозрил, то не придавал значения. И очень зря. Вилдайр любил и помнил ее всегда, так, как способны только ролфи, и до сих пор зажигал огонь для возлюбленной, сгинувшей в кровавой неразберихе Великого Раздора...

А она – не сгинула. А она, оказывается, осталась жива... и родила дочь. Ту самую, в чьем доме и хранилась столько лет пресловутая тетрадка, до которой теперь столько охотников.

Плевать на бумаги, все равно они зашифрованы, а ключ был ведом наверняка лишь самой Аслэйг – да, может, еще Вилдайру. Плевать, их все равно не используешь. Хотя заполучить их, конечно же, необходимо. Но главное – здесь, главное – это имя!

Конри снова пролистал отчет. Да, все верно. Ее звали Тарвен Акэлиа, ту умершую женщину... Таррвэйн. Точно так же, как мать Вилдайра.

Есть древний-преддревний обычай, коему до сих пор следуют почтительные дети-ролфи: первенец, если это сын, получает имя отца своего отца, а девочка – имя матери отца. Называя свою дочь Таррвэйн, эрна Аслэйг практически заявила всем, имеющим уши, – вот дитя Священного Князя. Его единственное дитя, умершее от... Конри снова сверился с отчетом. От чахотки, в нищете и безвестности. Но прежде чем сгинуть в Эббо, Таррвэйн эрн-Акэлиэн успела в свою очередь породить потомство...

Надо все проверить. Надо отыскать и тетрадь, и... Лорд-секретарь аж задохнулся от такого предположения. Найти наследника, кровь от крови Священного Князя, найти и завладеть!

Разумеется, возникает вопрос: а зачем? Наследник Вилдайра – вовсе не наследник Ролэнси, даже если все верно и таковой и впрямь существует, самое большее, на что он мог бы претендовать, – это именоваться наследником Лэнси, то бишь – владения, в пределах которого стоит Эйнсли и окрестности. И все. Окажись внук Вилдайра в руках Конри, это не принесет лорду-секретарю ни особенных возможностей, ни каких-то перспектив. Ничего, кроме – безопасности. На тот случай, если Священный Князь ткнет лорда Конри в делишки его беглой жены, словно щенка, напрудившего лужу, у шефа Канцелярии будет страховка. Может, карта в рукаве, может – кинжал, а может статься, что и прощение – кто знает?

Но сперва надо все выяснить, проверить... добыть архив Аслэйг – мало ли чего там понаписала посвященная Глэнны!

Конри снова бережно разгладил бумажку с копией и ухмыльнулся. Хитрец этот агент... как бишь его? Святоша! Нечто очень забавное доносит о нем из Эббо эрн Оринэйр. Где же? А, вот!

И лорд-секретарь, периодически хмыкая, погрузился в чтение. Настроение у эрна Конри улучшилось прямо-таки стремительно, настолько занимательные вещи писал об этом агенте военный атташе посольства в Эббо эрн Оринэйр. Полукровка-диллайн, да еще и бывший тив, да к тому – незаконнорожденный отпрыск одного из иерархов Эсмонд-Круга! Что же подвигло смеска вдруг с такой страстью возжелать превращения в ролфи? Ведь даже имя сменил, этот... Удэйз. Шеф ролфийской «канцелярии» не удержался от язвительного смешка. Ты бы еще «эрном» Апэйном представился, Святоша! Одни только, мягко говоря, необычайные пристрастия кандидата в ролфи чего стоят. Надо же такое придумать: обряжать девок в ролфийский женский мундир, связывать, топить, а только потом... употреблять. Экий затейник. Ну-ка, ну-ка... а и в самом деле, откуда взялись подобные фантазии? Лорд-секретарь пролистал досье к началу и, уже не сдерживаясь, заржал в голос. Ай да Гончая! И тут отметилась!

А отсмеявшись, подумал вдруг, что так просто подобные совпадения не случаются. И вопрос о том, кого именно послать в Эббо, отпадает сам собой. Воля богов, неужели не ясно?

Аластар Дагманд Эск

Какие же заговорщики не любят ночные встречи в тайном месте? Смех смехом, а именно так все и устроилось. Весенний лес, ночь, полнолуние Дилах, уединенный охотничий домик – все как полагается порядочным злодеям. Даже темные платки на лицах. Как говорится – классика жанра.

Не будь повод для встречи столь серьезен, Аластар бы повеселился и обязательно подначил сообщников насчет комичности ситуации. Лорд Милберг Локк тоже посмеялся бы за компанию. Возможно, что и Алфлаед Рэй от себя добавил бы забавных сравнений. Вроде «Слетелись совы на совет...». Селвин Элвва промолчал бы. Остальным, во-первых, значительно сложнее быть непринужденными в такой серьезной компании, а во-вторых...

Додумать мысль Аластару не дали. Явился последний из гостей – лорд Илдвайн Дэссими. Вот и все. Истекли все сроки, и нужно держать ответ перед этими людьми, вверившими свою жизнь и честь графу Эску и поверившими в его слова.

Восемь провинций, восемь владетелей, восемь голосов против Эсмонд-Круга, восемь соратников... Со всеми Аластар знался много лет, каждому доверял, с Эдвигом Лираеном вообще знаком с детства, с его детства. И конечно же, Рамман Янамари – самый юный, самый скептически настроенный, самый честный и самый важный из союзников. Старший сын, так и не признавший его, Аластара Дагманда, отцом. Гордость Эскова и боль. Вот он сидит с краю, напряженный и сосредоточенный, цепкий взгляд перемещается с одного лица на другое. Анализирует, сравнивает отцовские характеристики, данные собравшимся здесь людям, и собственные впечатления. У мальчика всегда есть свое мнение – это прекрасно, он мерит своей собственной меркой – и это еще лучше.

И пусть им никогда уже не быть родными, но за последние три года Аластар и Рамман сдружились. Не сына обрел Эск, так хоть союзника и, будем верить, соратника, а в будущем – и настоящего друга. Гораздо больше, чем смел надеяться владетель Эскизара. Он поймал одобрительную улыбку Раммана и понял: «Пора!»

– Добро пожаловать в «Лиловый лес», милорды, – Аластар сделал широкий жест, привлекая внимание к скромной обстановке охотничьего домика, в котором проходила встреча.

Кроме Раммана и Эдвиги никто не знал, что он самолично выстроил эту избушку. На свежем воздухе, в полном одиночестве работалось замечательно, еще лучше думалось. Старинные нормы воспитания требовали от сыновей благородных лордов диллайн умения управляться с пилой, рубанком и топором, знать тяготы грубой работы и уметь себя обиходить даже в глухом лесу. Жаль, сейчас традиция почти утрачена, очень жаль.

– Не хочу начинать нашу встречу с дурных новостей, но поступить иначе не могу. Нет, наши замыслы не раскрыты, – быстро предупредил Эск, во избежание расспросов. – Но есть вещи и похуже, чем казнь на площади Мира через усекновение головы.

– Не томите, – буркнул лорд Канаварри, южный сосед Эска. – Мы и так заинтригованы дальше некуда.

Орвайн давно уже рвался в бой, подзуживая Аластара на решительные действия. После того как год назад Эск открыл соратникам глаза на истинное значение казни Лердена Гарби и поделился первыми открытиями, сделанными при расшифровке его «наследия», все рвались, но Канаварри сильнее прочих. Для него и Селвина Элввы стал неприятной новостью тот факт, что дело отнюдь не в неудачном заговоре, коих на своем веку перевидано бесчисленно, а истинная причина столь жестокого решения относительно Гарби в ином. Ведь по сути Лерден со товарищи не успел предпринять ничего серьезного в отношении Атэлмара Восьмого.

Селвин еще дивился, как это в наше слюнтяйское время, с нашим слюнтяйским сопливым императором вдруг пошли на такие крайние меры.

Помнится, лорд Рэй возразил, мол, сопливым государем вертят отнюдь не мокроносые эсмонды, и он сам по себе, а Эсмонд-Круг отдельно. И когда Атэлмар со своими играми наскучит тиву Хереварду и аннис Сар, то ему мгновенно найдут достойную замену.

Аластар не стал скрывать, что в его руки попали очень важные документы, те самые, за обладание которыми был казнен Лерден Гарби. И это – обличающий Эсмонд-Круг архив, как древних, так и почти современных записей. Без утайки поведал Эск и про то, как сумел отыскать в саннивском, конфискованном и проданном на аукционе доме Гарби заветный сундучок. Не стал он упоминать только, что ему помог в этом человек, присланный Вилдайром Эмрисом, – рунный колдун ролфи. Любой беллетрист бы дал спину изрезать рунами, лишь бы услышать подробности этой авантюрной истории. Что-что, а поприключались они с эрном Дэйрогом на славу. Только романы и писать, а не в приличном обществе рассказывать. С бегом по крышам, черными масками и низко нахлобученными шляпами, стрельбой и погоней. А потом полтора года кропотливой расшифровки, с бессонными ночами, тяжкими трудами, окольными путями, мелким подкупом и крупным шантажом. В результате меньше половины текстов поддались расшифровке, но на целый список обвинений в адрес Эсмонд-Круга хватило с лихвой. От использования своей Силы в целях, далеких от божественного предназначения, до банального шарлатанства. Тогда же решено было начать подбивать народ к неповиновению, медленно и осторожно посеяв в душах простых людей недоверие к эсмондам. Гнев народный требовалось подогреть, чем все восьмеро и занимались в течение прошедшего года: слали подметные письма, печатали в странах Конфедерации брошюры еретического содержания, вербовали агитаторов. А граф Эск упорно продолжал дешифровку. И когда она была окончена, стало очевидно: все плохо, все настолько плохо, что нечистоплотность Эсмонд-Круга – это лишь цветочки, ягодки гораздо страшнее.

Владелец Локкэрни поморщился и заерзал в своем кресле, будто у него на заду чирей вскочил.

– Аластар, мы готовы вас выслушать. – Лорд Милберг посмотрел в упор на Эска. – Осенью вы навели шороху в Эббо, и я не стану пересказывать, что вы устроили в Идбере. Это ведь не просто такие... шалости?

«А вот мы и перешли к самой сути», – подумалось Аластари, не любившему хождение вокруг да около.

Эск встал, чтобы привлечь к себе все внимание. Он прекрасно знал, как выглядит сейчас: прямой сосредоточенный взгляд глубоко посаженных глаз, мерцающих из-под низких бровей, высокие скулы, крупный нос с горбинкой, плотно сжатые губы. И никто, никто никогда не дознается, как же ему сейчас страшно.

– Тот, кого мы все называем Предвечным, – вовсе не бог.

Воцарилось неживое молчание. Мужчины, за много лет жизни приучившие себя к сдержанности, не шелохнулись, но в глазах каждого полыхнул золотой огонек ночного охотника. Слышно стало, как легкий теплый ветерок касается едва проклюнувшихся почек, как спешит по своим лисьим делам отощавший за зиму лисовин и как весна крадется в Эскизар – тоже. Биение восьми сердец и беззвучные мысленные восклицания.

– Вы говорите загадками, Аластар, – молвил Элва. – Продолжайте. И поподробнее, в деталях. Такими словами не разбрасываются.

– Эсмонды вели подробные записи начиная с момента Призыва и Отклика. Они изучали и наблюдали, если так можно выразиться, за возможностями Предвечного.

– Божественное поддается учету? – не поверил Селвин.

– Еще как. Все было сочтено, все было взвешено и измерено. И... – на этом моменте Аластар впервые за последние двести лет поперхнулся. – И не говорите мне про него как про бога.

– О!

– Да! – неожиданно резко ответил Эск. – Он кто угодно – дух-самозванец, эгрегор, но только не бог. Эсмонды призвали его, они шагнули за грань, оттолкнули Меллинтан, отвергли богинь-лун, чтобы призвать... *это*. Пришествие истинного бога – это ложь, самая наглая и подлая ложь за всю историю от начала времен. Предвечный – не бог!

Никогда и никто не видел Аластара в такой несусветной ярости, никто никогда не знал его с этой стороны – как обвинителя, как судию и как палача. Он рубил ребром ладони воздух перед собой и говорил... Нет! Он кричал о вещах настолько чудовищных и невозможных, что время от времени кто-то из сидящих за столом мужчин закрывал уши руками. Чтобы не слышать! Чтобы не знать!

– Они не просто пользовались нашей Верой, будто дровами в своих колдовских печках. Они отдали ему наши души... на съедение! Отдали в обмен на Силу и Власть. Наши души не обретут ни покоя, ни прощения, ни забвения, ни блаженства. Ничего этого не будет! Мы будем сожраны Предвечным, чтобы тив Херевард мог мановением руки исцелить прокаженного, чтобы аннис Сар сотворила новую роскошную безделицу. Радуйтесь же, государи мои, – прорычал Эск. – Наши души, души чистокровных диллайн будут брошены в топку этого ненасытного монстра! Что же касается полукровок... Совсем не зря ведь эсмонды однажды наложили запрет на смешение кровей с ролфи и шуриа. И вовсе не из-за утраты возможности общения с... Предвечным. А потому что души полукровок не достаются ему, голодает он, а значит, недодает нашим Благословенным тивам Силы.

Эдвиг Лираен, четверть крови которого представляла сложную смесь кровей разных народов, стал белым как полотно и шепотом спросил:

– А что же с нами... ними будет?

Аластар не выдержал и процарапал столешницу ногтями, загоняя под них занозы и оставляя кровавые следы на светлой древесине. Он не мог, просто не мог смотреть теперь в глаза своему сыну без содрогания.

– Ничего, Эдвиг, друг мой, ничего. Они бесприютны и никому не потребны. Меллинтан отвернулась, и больше они... эти души никому не нужны. Ничего, кроме вечности в безвременье и пустоте.

– Значит, почти тысячу лет нам лгали? – прохрипел Элвва. – Нас всех обманули?

– Да, Селвин. И предали, еще до нашего рождения.

Вскинулся Алфлаед Рэй, рванул шейный платок, задыхаясь, с грохотом обрушил кулак на столешницу.

– Нет! Не может быть! Я же чувствую, я же... он же... Нет, Аластар, ты не прав, ты что-то неправильно перевел, или твой шифровальщик ошибся... Так не бывает!

– Ах не бывает? – голос Эска упал до шепота. – Ну, обратись к нему, Флай, позови Предвечного, спроси его. Пусть ответит тебе, а заодно и мне.

– Но эсмонды могут исцелять, творить чудеса, создавать волшебные вещи...

– Ценой моей души? Мне не нужны чудеса, Флай, я сам умею их делать из стали и латуни, из чугуна и меди. Разум господина Фэро способен вообразить себе машину, которая поднимает человека в воздух. Университетский червь – мэтр Ровэйн – успешно практикует лечение смертельной водобоязни, и ему для постижения истины не требуется чужих душ, своей хватает. Мне не нужны чудеса непомерной ценой.

Аластар уже успел взять себя в руки, он больше не кричал, найдя силы говорить спокойно.

– И все-таки расшифровки будет мало. Нужны доказательства!

Сильный аргумент, спору нет. Эск и сам бы задался подобным вопросом, не держи он в руках подлинные документы, не увидь этих записок, сделанных на полях пятисот лет назад рукой тива Хереварда. А уж про воистину людоедские дополнения тива Алезандеза лучше вообще не вспоминать, чтобы не взбеситься от злости. Каждый из ныне живущих эсмондов

вложил свой кирпич в стену этой тюрьмы – узилища для человеческих душ, которое столько веков именовали Предвечным.

– Держи. Почитай.

И пока читали, пока заламывали руки, точно обесчещенные девицы поутру, пока клялись и проклинали, пока взывали к высшей справедливости и к преданным богам, Аластар Дагманд Эск думал о том, как только что начал в Синтафе гражданскую войну. Самую страшную и кровопролитную со времен Рилинды.

– Вы считаете, Лерден Гарби знал? – спросил Селвин.

– Совершенно точно могу сказать, что именно он начал расшифровку, и он уловил суть, смысл описанного.

Элвва от избытка чувств захлопал в ладоши.

– Я же был на казни, я же видел, как он подал знак. Ай да коротышка Гарби! Сучий сын докричался-таки.

– Мы тоже допрыгаемся до... резни, – вспыхнул Алфлаед. – История с уничтожением шуриа покажется детской забавой, когда гнев народный обратится на диллайн. И до проклятия дело может дойти. Найдется новая дева Сигрейн.

Рамман уставился на Эска, не в силах рта раскрыть. Значит, и Бранд Никэйн тоже. И он сам, и младшие братья – Совенок и малыш, которого Джона родила на Шанте.

«Мама! О нет! Что же скажет мама?!»

Они поняли друг друга без слов.

– Мы не можем держать это в тайне, – отрезал Элвва.

– Но Синтаф будет разрушен, Империя погрузится в многолетний кровавый хаос. Господа, вы хоть представляете, что значит оставить народ без богов, без божественного покровительства, без веры? Это конец всему.

Лорд Рэй, чистокровный диллайн, ничуть не преувеличивал. Достаточно представить себе, как синтафцы разделятся на тех, кто отринет Предвечного и бросится жечь храмы и казнить тивов, и тех, кто проклянет первых за богоотступничество. Найдутся желающие вырезать диллайн, а кто-то вспомнит про недобитых шуриа, которые всегда были корнем всех зол. Не зря же в записках магов-эсмондов столько упоминаний о роли проклятых *Третьих*. Якобы их Проклятье и отражение оногo в крови ролфи отрезало души полукровок от Предвечного. Значит, снова виноваты шуриа. Впрочем, достанется всем, не пощадят никого, и вот тогда в обескровленный, раздираемый на тысячу кусков Синтаф придут северяне, вообще не считающие его обитателей людьми.

– Это – правда, Флай, нашему старому, знакомому не один век миру, который мы понимаем, настанет конец. Потому что дилемма почти неразрешима – либо надо держать народ в неведении и позволять жрать себя Предвечному, либо восстать всем миром и... найти дорогу, найти выход тоже всем миром. Впереди целая ночь, в течение которой мы должны сделать выбор, милорды.

– О нет! – простонал Рэй.

– О да, – передразнил его невесело Эск. – Тихое гниение или море крови, смирение с судьбой или битва с ней же не на жизнь, а на смерть?

– А что предпочитаете вы, Аластар? – спросил въедливый Элвва.

Оранжевоглазый, сутулый, хмурый одиночка, он не терпел уклончивых ответов.

– Тухлятине я предпочитаю мясо с кровью, – ответил эскизарец, жалея и не жалея о сказанном в миг произнесения.

Грэйн

Закончить зарисовку по местности Грэйн не успела. Всего-то каких-то несколько штрихов, последние детали... Впрочем, необходимые пометки можно будет сделать и позже. Особенно когда на это место явится целый взвод солдат, от щедрот эрна Тэлдрина мановением пера переименованных из стрелков в топографов, во главе с инженер-капитаном Нером. А они обязательно явятся и произведут съемку, а диллайн – сделает необходимые расчеты, чтобы когда-нибудь, возможно и совсем скоро, на скалистых берегах Шанты вырос еще один мощный форт. Лучшего места для крепости не найти – уж за это эрна Кэдвен готова была поручиться и погонями, и головой. Недаром ведь облазила в компании с Джэйффом все местные холмы и скалы, будто горная коза. Счастье еще, что у бывшего рилиндара чуть ли не под каждым кустом было устроено по лежбищу! И это не считая основного, так сказать, жилища, которое Грэйн, едва переступив порог, немедля окрестила Змеиной Норой. В той норе они, к слову, и пересидели февральские свирепые бури – и ничуть не скучали при этом. Лейтенант эрна Кэдвен отлично приспособилась систематизировать свои записи, пристроившись на топчане у очага: тепло, и света хватает. И даже источник освещения нимало ее не смущал. Эка невидаль, череп. В старые времена приличный ролфи спать не ложился, не подложив себе под колено отрубленную голову врага – не спалось, должно быть. А про скальпы и говорить нечего. Знак доблести и признак статуса, да и просто красиво. И то, что последний рилиндар Джэйфф Элир решил вдруг, так сказать, поухаживать за женщиной по-ролфийски, кровожадной эрне Кэдвен пришлось весьма по душе. Про то, что случилось с духом капитана Нимрэйда, ролфийка не стала выспрашивать принципиально, прекрасно понимая, с кем имеет дело. Джойн ей и так все уши прошипела насчет того, какой Джэйфф могучий шаман, и Грэйн, хоть и пожимала на то плечами с истинно ролфийским недоверием, сведения тем не менее учла. И про Нимрэйда не спрашивала. Может, Элир вообще привязал его и посадил призрака у дверей на коврик, дом стеречь? С него случилось бы, пожалуй!

Так и пролетела осень, а за нею – и зима. Они бродили по Шанте, охотились вместе на дичь четвероногую, а зачастую – и двуногую тоже, а вечерами разделяли радость и вкус, жизнь и... Грэйн не спешила давать этой... связи?... близости?... чему-то еще?... какое-то название. Зачем? Она заплетала ему косы, а под утро – чутко сторожила его у Порога, и этого было довольно. К чему что-то говорить друг другу? Это же так редко бывает, так... поистине невозможное чудо – встретить того, с кем можно промолчать о вещах, на самом-то деле не требующих объяснений.

А весной они нашли это место – плоскую скалу над морем, настоящую каменную подушку, строить на которой – одно удовольствие. И Грэйн поняла – вот оно! Здесь будет форт, крепость-страж восточной оконечности Шанты, как форт Сигрейн сторожит запад острова. Защищенный от волн заливчик, удобные подходы с суши, источник питьевой воды... Прекрасно! Ролфи только зубами клацала от досады, что не хватает ей ни знаний, ни опыта, чтобы, не сходя с места, провести более-менее профессиональную съемку. Из всех приборов – только офицерская линейка, циркуль и карандаш. Впрочем, и этого оказалось довольно, чтобы эрна Кэдвен, азартно взрыкивая, облазила все плато, допытываясь попутно у Джэйффа об уровне приливов, направлении течений, силе ветров, уровне осадков и перепадах высот... Но не успела она и одного блокнота исчеркать своими планами и рисунками, как это увлекательное занятие оказалось прервано появлением проходившего мимо шурианского охотника и новостью из форта.

Письмо из Эйнсли, доставленное попутным кораблем. Это могло быть что угодно, начиная от отчета управляющего поместьем и заканчивая новым заданием, но Грэйн почему-то

сразу поняла – все. Это неспроста. Но приказы ведь не обсуждают, верно? Она и так получила за эти месяцы непозволительно много, а теперь... теперь, стало быть, пришло время платить.

Джона

Запечатанный пакет тихо-мирно лежал на полке, но сколько же беспокойства он доставлял Джоне – словами не сказать. Она, точно кошка вокруг скрыни со сметаной, вилась вокруг послания из Эйнсли с того самого момента, как присланный эрном Тэлдрином курьер доставил его из форта.

Едва утих последний шторм, как в Сигрейн-Шилу пришел ролфийский корвет, следовавший в Базил, попутно он завез приказы и распоряжения из метрополии, а также почту. И, конечно же, генерал-губернатор ни мгновения не сомневался, где вернее всего послание от лорда Конри достигнет эрну Кэдвен. В Лирнии, в доме у леди Джойаны, где же еще? Именно там обреталась неутомимая землеописательница, когда не лазала по ущельям и не переправлялась через горные реки Шанты.

Джоне этот пакет сразу не понравился, еще до того, как она прочитала имя отправителя. И на ощупь он неприятный, какой-то липкий. Бр-р-р!

«Что тебе надобно от моей Грэйи, лорд Конри? Или, вернее сказать, пес Конри? Что ты задумал?» – вопрошала шуриа, проводя чуткими пальцами по грубой бумаге.

И словно по коже от запястья к плечу пробегала стайка маленьких цепких паучков – бледных, полупрозрачных и... ядовитых.

«И если снова обидишь ее, пес Конри, я отправлю тебя, так и знай», – посулила Джона, пристально вглядываясь в закат.

И не просто отравила бы, а сделала бы с лордом-секретарем то же самое, что Джэйфф сделал с Яльданом Нимрэйдом. Не видать Рэналду Конри тропы в потусторонних снегах, не стучать во врата Чертогов, не стоять в строю Отца Дружин. Шуриа мстительны по природе своей, а Джойана вовсе не шутила, когда говорила про вендетту. Такими вещами проклятые не шутят.

– Чего хмуришься? – спросила Эндрита. – Скоро они вернуться. До срока всего пару дней осталось.

Так и вышло. Солнечным утром пожаловали в Лирнию два грязных и усталых, но таких долгожданных путника – Грэйи и Джэйфф. Видимо, встретили кого-то из знакомцев, который рассказал про письмо. На Шанте секретов мало, чуть что случилось, сразу же, как по эстафете, известие передается все дальше и дальше, пока не достигнет нужных ушей. Иначе на острове не выжить.

Женщины обнялись, словно родные. Хотя... любой шуриа погрешил бы против правды, не признав в Джоне и Грэйи родственные близкие души. Вот и жена капитана Нера так думала. Она полюбовалась на двух таких разных названных сестричек и сообщила:

– А Шайя уже и баньку истопила, чтобы вы с дорожки помылись.

Джона тоже любовалась – ее Грэйи сияла внутренним теплым светом, согретая, оттаявшая в объятиях Джэйффа Элира. Чуткий он все-таки мужик, понимающий. С ним можно поговорить на любые темы, с ним спокойно и нестрашно. Когда Джона ждала третьего ребенка, заброшенная на край земли, среди чужих, в чужом доме, то кто приходил и потихоньку делал всякие мелкие мужские дела? Джэйфф, естественно. Он починил сломанную колыбельку для будущего малыша Шэrrара, законопатил все щели на крыше, утеплил окна. И даже с Аластаром он сумел найти общий язык. Впрочем, это неудивительно как раз – мужчины как-то сразу друг друга зауважали, можно сказать, прониклись.

А Грэйи увидела пакет и погасла. Словно сквозняк задул свечу – так погас в одночасье ее ласковый свет. Шуриа – все четверо – это увидели сразу же. Их не обманула ни напускная веселость, ни притворная небрежность, с которой эрна Кэдвен повертела в руках злополучное письмо, ни та решимость, с которой ролфи увлекла Джэйффа в баню. Элир не противился.

«Он – мудрый, он был тысячу раз прав, когда попросил сделать для Грэйи браслет», – печально думала Джона, собирая на стол.

Под ногами у нее вертелся Шэри, мусоливший в ладошке кусочек сыра. Бывшая графиня погладила мальчика по темноволосой макушке.

– Потерпи, детка, скоро сядем обедать вместе с тетей Грэйи.

Когда через несколько дней после возвращения ролфийки Джэйфф отозвал Джону в сторону для разговора, рилиндар был непреклонен.

«Она должна быть свободна», – сказал он.

И не ошибся. Эрн приняла подарок с благодарностью и не расставалась с литым браслетом никогда.

– А тетя Грэйи подарки привезла? – спросил Шэри.

– Скоро твой папа приедет, и будут подарки.

Они не виделись целую зиму, Джона соскучилась, дети тоже. Скорей бы уж, скорей бы.

Грэйн, Джона и Джэйфф

Странный это был вечер. Вроде бы все в порядке, все живы и куда вместе, но чувство у Грэйн при этом было, словно расположились они поужинать на самом краешке пропасти. Дом будто бы кренился и покачивался, звуки казались слишком резкими, запахи – излишне острыми, и ощущение это все крепло, до тех пор пока эрна Кэдвен не захотелось взвыть. Да что же это, в самом деле?! Ну, письмо, ну, отзывают... так ведь рано или поздно это все равно случилось бы! И лучше уже раньше, чем...

«Чем раньше, тем лучше», – решила она и запретила себе думать о пакете. По крайней мере, пока не заснут дети. В общем-то, именно с детьми Грэйн и общалась весь вечер. Наскоро проглотив ужин и не почувствовав вкуса, она достала из кладовки свой мундир и принялась приводить форму в должный вид: тщательно прошлась щеткой по серому сукну, начистила все пряжки, застежки и пуговицы, доверила отиравшемуся рядом Идгарду довести до блеска лядунку с цепочкой для пистолета, протравниками и шомполом, а пока возилась, успела научить игравшего с темляком сабли Шэrrара ролфийской песенке-считалке про «десять маленьких волчат». Словом, делала все, чтобы не схватить пакет и не перечитать еще раз, не дожидаясь, пока в «гостиной» останутся только они трое. Джойн, Джэйфф и она.

Но как только леди Алэйя уложила детей, эрна Кэдвен перебралась к очагу, вытянула ноги – и закурила. Впервые за... несколько недель, пожалуй. И, укрывшись за клубами сизого дыма, взгляделась в четкий мелкий почерк лорда-секретаря.

– Ну? – не выдержала Джойн. – И что ему от тебя надо?

– А? – встрепенулась Грэйн и вдруг попросила: – Джойн... у тебя не найдется чего-нибудь выпить?

В общем-то, на удачу она не рассчитывала, памятуя о том, что шуриа не только не курят, но еще и не пьют, однако бывшая графиня кивнула:

– Найдется.

И принесла из кладовки большую глиняную кружку, доверху полную пенным напитком.

– О! Сидр! – радостно вскинулась ролфи, с нескрываемым удовольствием вдохнула запах яблок и пригубила ароматное питье. – Ах-х... вот то, что надо... – И, жадно ополовинив кружку, добавила: – Меня отзывают.

– Я догадалась, – шуриа глянула пронзительно и остро. – Но почему?

– Понятия не имею, – искренне пожала плечами Грэйн. – Как понимаешь, не все можно доверить бумаге. Хочешь, прочти сама... или давай я прочту. Так... ну, вступление можно пропустить... Вот. «Посвященная эрна лейтенант. В интересах Короны немедленно по получении сего Вам надлежит первым же кораблем отплыть в Эйнсли и, не мешкая, прибыть в мою резиденцию в любой день и час для получения дальнейших инструкций». Дата. Подпись. И все. Остальное я узнаю уже на месте. Джойн... ну, Джойн! Джойа-ана. Это новое задание, только и всего. Стандартная форма. Для того дела в Синтафе, ну, с твоим похищением, – ролфийка улыбнулась, – меня вызывали примерно таким же письмом. И для всех последующих дел – тоже, а их было уже не так и мало.

– Разве то, чем ты занималась здесь, не важно? Тебе же Князь приказал.

– О да, – Грэйн кивнула. – Но я состою на службе в Канцелярии, я – офицер для специальных поручений, и если уж лорд Конри отзывает меня... – Она задумчиво клацнула зубами о край кружки. – Не думаю, что он делает это потому, что... соскучился.

Шуриа недоверчиво фыркнула. А тихо-тихо сидевший в уголке Джэйфф, о присутствии которого обе женщины успели позабыть, вдруг подал голос:

– Ты как будто даже рада.

– Как я могу быть рада, если мне не дают закончить то, ради чего сюда послали! – Эрнэ Кэдвен повернулась к нему, по-волчьи сверкнула глазами и разве только уши не прижала. – Но я – не вольная путешественница, не ученая – натуралистка и не географ. Я – в армии, ношу мундир и подчиняюсь приказам, вне зависимости от того, нравятся они мне или нет. – И добавила уже мягче, ласково погладив по руке хмурю Джойану: – Не беспокойся так, Джойн. Ничего ужасного со мной не случится.

– Ты так уверена! – Теперь она фыркнула уже возмущенно.

– Уверена, – Грэйи лихо улыбнулась. – Локка поможет. Нальешь мне еще сидра?

– Я налью, – решительно вмешался Элир. – Бери кружку и пойдем.

– О, так теперь и ты мне приказываешь? – ухмыльнулась ролфийка и насмешливо отсалютовала: – Слушаюсь, мой генерал!

От неожиданного производства в генералы поперхнулся даже невозмутимый бывший рилиндар. Грэйи рассмеялась, чмокнула Джойн в щеку и ухватила Элира за рукав:

– А чего ты ждал, экс-правитель Шанты? – И, подмигнув, потянула его за собой. – Ладно, не нравится быть генералом, произведу в фельдмаршалы... венценосная особа...

Грэйн и Джэйфф

...Джойн, верно, набила этот тюфяк какой-нибудь шурианской сон-травой, но Грэйн не собиралась поддаваться дремотным чарам. Нет уж, третья стража принадлежит ей, ролфи, и никакие травы не помешают ее дозору. Особенно теперь.

– Опять будешь меня сторожить? – шепнул ей на ухо Элир. Предрассветная тьма в пристройке – не помеха волчьему зрению, и эрна Кэдвен видела, что он улыбается. Но ответила серьезно:

– Я всегда тебя сторожу, – и запустила пальцы в густые смоляные пряди.

– И как мы в свое время не догадались завести... каждый – по маленькому домашнему ролфи... – сонно ухмыльнулся бывший рилиндар.

– Не болтай ерунды, – буркнула Грэйн. – Лукавый аспид. А то решишь попробовать посадить мой дух на цепь у двери... на коврике, если меня убьют. Так ведь я тогда постоянно петь буду, так и знай, змеиный колдун, – и легонько укусила его за ухо. А потом вдруг спросила: – Я вернусь?

– Насколько я знаю ролфи... – протянул он, – а я, согласись, изучил ваше племя неплохо...

Грэйн почти беззвучно зарычала, обнажив белые клыки.

– ...вы никогда не выпускаете свою добычу, – невозмутимо продолжил Элир. – Особенно если успели ее... пометить. А! Рычишь?

– Рычу! – сердито подтвердила ролфийка. – Ты дошутишься однажды, шур-р-риа.

– Собственно, уже дошутился. – Он вздохнул. – До того дошутился, что одна грозная зубастая хёлаэная заплела мне косы. И что мне остается теперь, кроме как хранить то, что она мне доверила? Попробовать, что ли, и впрямь помереть? Так ведь не дашь же.

– Не дам. Даже и не мечтай.

– Так будь покойна, моя хёлаэная. Делай то, что велит тебе волчья верность: сражайся, найди своего волка, чтоб вместе любить, охотиться и вырастить сильных волчат. А когда ты совершишь все, что должна... Ты вольна уходить и возвращаться. А я – буду здесь.

– Ты будешь здесь, – кивнула она. – И моя свобода – тоже. Спи. Скоро рассвет.

Джона, Аластар, Грэйн и Джэйфф

Не заметить прекрасную «Меллинтан» посреди синего моря сложно, она, словно костер в ночи, сияла парусами, и, разумеется, первый же шуриа, который увидел, как синтафский фрегат бросает якорь в Тюленьей бухте, передал весточку для Джойаны Алэйи. Мальчишке достаточно было постучать по оконной раме, чтобы женщина пробудилась, скоренько оделась, причесалась и вышла встречать Аластара. Как деревенская кумушка – к невысокому покосившемуся заборчику, ограждающему скудный огород от посягательств козы Шишки и ее бодливого потомства.

И едва завидев, как Эск идет по тропинке – в длинной темной шинели без знаков различия, простоволосый, с мушкетом за плечом, Джона поняла – что-то случилось. В коленках тут же поселилась мелкая дрожь, а желудок скрутило тупой болью.

– Что с Рамманом? – выдохнула она вместо приветствия.

– С ним все в порядке, – заверил ее Аластар. – Передает тебе поклон и десять тысяч нежных поцелуев.

– Тогда – что?

Эск тяжело вздохнул. Раз связал жизнь с шуриа, значит, не будет ни страшных тайн, ни сокрытых чувств. Она же видит дух.

– Пойдем, я тебе все расскажу, – вздохнул диллайн и предупредил: – У меня плохие новости.

– Совсем плохие?

– Хуже не бывает.

И не соврал.

Сначала Джона натурально онемела. Стояла и как дура хлопала глазами, глядя сквозь Аластара. Так хотелось не поверить, так хотелось заткнуть уши руками, сморгнуть и... проснуться от паршивого сна. Чтобы снова раннее утро и стук в окно.

А потом вдруг скрутило все внутри, свело каждую жилочку, сжало горло. Должно быть, Дилах-Локка обзавидовалась вся, увидев, как вместо крови течет по телу Джойаны Алэйи Янамари густая огненная лава.

– Предатель! Торгаш! Лжец! Вот кто такой твой бог, Аластар! – взвизгнула она, когда воздух снова смог ворваться в легкие. – Твой бог – предатель! Предатель, потому что у народа предателей не может быть других богов!

От бога, именем которого правили в Синтафе диллайн, она такого не ожидала. Ах он... негодяй! Так всех обмануть?!

И вдруг ужасной мыслью женщину пробило насквозь точно молнией. Джона впилась в собственные волосы, норовя снять с себя скальп.

– Мои дети! Наши дети! И... мой Бранд! Значит, он тоже бродит бесприютным? А-а-а-а-а! Мой Бранд, мой отец, мои братья и сестры – все они... выброшены, как ненужные вещи?! Нет! Аластар! Так не может быть! Так нельзя! Он не может... Твой поганый Предвечный! Будь он проклят!

Ей показалось, что сердце ее живьем вынимают из груди и жарят на медленном огне прямо тут, на глазах у всех: у ошалевшей Грэйн, у перепуганных до смерти Эндриты и Шайи, у окаменевшего Джэйффа.

– Джона...

Аластар ждал чего-то подобного, если не более ужасного.

– Мой Бранд, мой Бранд! – раскачивалась из стороны в сторону шуриа, все еще пытаюсь выдрать с корнем свои косы. – Бра-а-а-анд! Ты не заслужил таких мук, ты был лучшим мужем, ты был чудесным отцом, ты был почтительным сыном, ты был настоящим другом... Ты верил

в... бога-обманщика. За что? Ты не виноват! Не виноват! Слышиш-ш-шь, Аластар Эск, он не виноват ни в чем, и наши с тобой дети. Это я... я во всем виновата... я родила их... я-а-а!

Столько боли, столько горя было в этом отчаянном крике, что духи дома, духи вещей в страхе шархнулись в разные стороны.

«Бранд! Бранд! Я зову тебя! Приди и скажи, что это неправда!» – взывала сквозь тонкий мир шуриа.

«*Это – правда, Джони*», – тихонько прошептали невидимые губы прямо в ухо.

«Почему же ты...»

«*Ты знаешь. Нельзя, нельзя просить мертвым у живых. Совсем, никогда*».

«Но что же делать?»

«*Не знаю, Джони. Пусть придумает этот твой... Аластар. Я не держу зла. Он всегда любил тебя сильнее всех, он был для тебя. Не я. Но ты должна спасти Раммана...* – голос духа слабел и затихал. – *Детей... Но и Раммана тоже... обязательно... Скажи ему, что я люблю его... Скажи...*»

«Бранд!»

Напрасно звала, выбиваясь из сил, теперь все напрасно. Все потеряно. Все!

Когда умерла Элишва, Джона не рыдала – она знала, мать рядом, она станет духом, она вернется в землю Дрезима и пребудет с ним навечно в покое и счастья. Когда убили Бранда, Джона прекрасно представляла, что делать – мстить, мстить жестоко и страшно, чтобы впредь неповадно было. Но теперь, когда тебя, ладно, пусть не тебя, но твоих близких предает бог, что делать теперь? Кому мстить, кого казнить? Пойти и отрезать голову тиву Хереварду, сделать из черепа светильник, а скальп повесить над камином? Но выходит, его смерть только насытит Предвечного?

Джона перевела дух и огляделась, тут же устыдившись своей несдержанности. Шуриа простительно, но не графине Янамари.

– Все? Утихомирилась? – недовольно буркнул Джэйфф. – Грэйи пошла укладывать детей. Ты головой-то прежде думай, а потом устраивай истерические припадки.

Он успел нацедить мрачному Аластару кружку прошлогоднего сидра и сам потягивал хмельной напиток.

– Вставай. Чего расселась? Ты бы еще на спину повалилась и начала ногами дрыгать. Хочешь, чтобы Шэри заикой стал? Мамаш-ш-ша! На твоём месте, диллайн, я бы женщину наказал.

– Хватит! – отрезала Джона, вставая с пола самостоятельно, отвергнув помощь Эндриды. – Я сама себя уже наказала.

Села на лавку напротив Аластара, требовательно заглядывая ему в глаза.

– Ну? И что теперь будем делать? – негромко спросила Грэйи, уложившая и успокоившая детей, а теперь застывшая в дверном проеме.

– Меня интересует другое – обнаружена ли эта тайна?

Джэйфф, как всегда, зрил в корень. Не каждый день народ обнаруживает, что его уже который век водят за нос, и обещанного с высоких алтарей посмертия не будет, и вообще ничего не будет, а за погребальным костром ждёт... тьма и пустота.

– Мы не можем держать в секрете и не хотим. Тайной войны с Эсмонд-Кругом не получится, – заявил Эск, хрустнув костяшками пальцев. – При всем желании. Эсмондам нечего терять, народу тоже.

– Синтаф развалится, – констатировал бывший рилиндар, поглядывая на князя поверх своей кружки. – Умоется кровью и захлебнется ею же. Ты... и твои соратники готовы идти до конца?

– Это было непростое решение. Но... да.

«Ночи оказалось мало, думали три дня», – вспомнилась Аластару та судьбоносная встреча в лесном домике.

– И ты, конечно же, становишься во главе восстания?

– Иного выхода нет. Мне придется возглавить мятежников, чтобы удержать под контролем земли и людей.

– Рамман с тобой? – поинтересовалась Джона.

– Естественно. Он – мой ближайший соратник. Янамари, Локкэрни, Эскизар, Канаварри, Рэйсон, Дэссимм, Элввали и Лираэнф – весь север готов восстать по первому же зову. Но... – Аластар посмотрел на притаившегося за кружкой Джэйффа. – Я изучал историю Рилинды и понимаю, что в этой войне не будет победителей до тех пор, пока мы не сумеем предложить народу что-то взамен Предвечного, какой-то иной... выход.

Бывший рилиндар понимающе хмыкнул:

– Джона, у твоего... мужа все-таки есть голова на плечах. По правде говоря, мы проиграли потому, что сколько ни убивай ролфи, а Проклятье никуда не денется. Месть – хорошая штука, но не может быть целью.

Он нарисовал на столешнице кончиком косы хитрый узор, точно кисточкой.

– Дилах не примет вас обратно, диллайн. И, конечно же, это не выход.

– Мы никогда не поклонялись Меллинтан, как это делают ролфи.

– А кто говорит иначе? Вы же не ролфи. Мы вообще не поклонялись Шиларджи, мы и так часть этой земли и все, мы ее душа.

– Что ты хочешь сказать, рилиндар?

Аластар всегда немного ревновал к Джэйффу, но не Джону, разумеется, а детей. Элир проводил с Идгардом и Шэрраром больше времени, чем Эск.

– Я хочу сказать, раз есть диллайнская часть архива, значит, есть и ролфийская и, возможно, даже шурианская, нет? – вкрадчиво проворковал шуриа, как это всегда бывало, когда Элир собирался вытянуть из собеседника как можно больше сведений.

Забавно было глядеть, как два таких разных мужчины одновременно симпатизируют и не доверяют друг другу. Большой совиный лорд и великий змеиный воин – хоть героическую сагу сочиняй.

«Тьфу!» Грэйи едва удержалась от неприличного смешка. Слушать, как диллайн и шуриа с таким знанием дела рассуждают о «ролфийских архивах», а тем паче – об отношениях ролфи с богами, было довольно забавно. Конечно же, кому как не совиному князю и бывшему рилиндару досконально разбираться в верованиях детей Морайг! Ха! «Потомок народа предателей и последний из проигравших, – подумала она со злостью. – Отличная парочка специалистов! Один – проклят, а другой вообще – *корм!*» Но для того, чтобы вслух напоминать им об этом, Грэйи была еще недостаточно зла, да и нет у ролфи привычки проворачивать нож в ране.

– Ты прав, рилиндар. Ролфийский источник уплыл у меня из-под носа в Эббо. Мои люди вышли на одного мошенника... Но его убили, а манускрипт исчез.

– Эсмонды? – насторожилась Грэйи.

– Не знаю. В том-то все и дело, что теперь я не знаю, что и думать.

– Когда вы намерены сообщить о своих планах Священному Князю, милорд? – довольно резко спросила эрна Кэдвен, рассудив, что пора уже разбавить этот очаровательный «тайный совет» между диллайнским князем и шурианским воином. А то слишком они увлеклись. Может, позабыли, что без участия Вилдайра Эмриса все равно ничего не решится?

– Я, собственно, к нему и направляю, так сказать, стопы, эрна, – ответил Аластар.

У них с Вилдайром имелся небольшой устный договор, заключенный на песчаном берегу Шанты под прекрасное ликерное вино. И настал момент о нем вспомнить.

Грэйи властно повысила голос, скрестив руки и всем видом своим символизируя ролфийское непосредственное участие в этом деле:

– Позвольте напомнить, господа, что речь идет не только о жителях Синтафа. Довольно большая часть обитателей Доминиона Шанта – полукровки. Дети наших солдат и местных жителей, но и не только. И я не стала бы ручаться за отсутствие в их жилах крови диллайн. И все они – *подданные* Вилдайра Эмриса, согласно недавнему договору между жителями острова и Ролэнси. – Она остро глянула на Джэйффа и продолжила еще резче: – Кроме того, на острове проживают также и несколько диллайн, да хоть бы и инженер-капитан Нер. Не думаю, что *нашего* Князя сильно обрадует перспектива их превращения в *корм*. Чем скорее он узнает эти новости, тем лучше. Кроме того, – прищурилась ролфи, – если кто-то и может точно знать о существовании так называемой ролфийской части вашего пресловутого архива, так это Священный Князь.

Аластар согласно кивнул:

– Поверьте, мне есть о чем побеседовать с Вилдайром Эмрисом, и касательно архивов, и по поводу иных наших договоренностей. Синтаф стоит на грани религиозной войны и народного бунта. Тихие и спокойные времена кончились. – Он вздохнул и посмотрел на Джону. – Самое безопасное место сейчас – на Ролэнси. Для детей, я имею в виду.

Женщине, подобной леди Янамари, нет нужды объяснять, чем чревато открытое выступление Эска против законной власти в Синтафе. Вождь мятежников, прежде чем поднять знамя борьбы, должен тщательно прикрыть щитами свои самые уязвимые места. Для Аластара – это дети. И пусть пока никто не знает о Шэрраре, но не может такого быть, чтобы тив Херевард не придал значения внезапному исчезновению Джоны с младшим сыном. Придворная жизнь в Санниве приучила леди Янамари к простой мысли: «Абсолютных тайн не бывает». Пример с архивом Гарби показателен во всех смыслах. Ему стоило рот открыть о каких-то диллайнских страшных секретах, как эсмонды, взиравшие на очередной мелкий заговор с заоблачных магических высот, вдруг встрепенулись и прищучили умника.

Рано или поздно, но история с мальчиками всплывет, и тогда... Тогда единственным безопасным местом на свете станет для них замок Эйлвэнд.

Но Джоне туда путь заказан. Вилдаир никогда не отпустит женщину, в которой он видит саму Глэнну.

– Ты прав, дорогой. Ты очень верно все придумал, – улыбнулась Эску шуриа. – Я останусь и подожду тебя.

Он ответил еще более ласковой улыбкой.

– Я знал, что ты поймешь.

«И я не отдам тебя Вилдайру». Диллайн прекрасно помнил и этот шуточный поцелуй ручки, и жадную волчью зелень в глазах Священного Князя, стоило тому кинуть взгляд на Джону, во время торжественного ужина на борту «Княгини Лэнсилэйн». Да, у Хозяина Архипелага было на лбу написано сожаление о своем опрометчивом обещании. Маленькая шуриа ему нужна. Неведомо зачем, но это так, а в планы Аластара Эска подобная уступка не входит. Теперь, когда Лайд сбежала в Санниву, а на носу война с Эсмонд-Кругом, он сможет позволить себе если не всё, то многое.

– Я верно поняла, милорд, что теперь ваш корабль направляется в Эйнсли? – решила еще раз уточнить Грэйн.

– Так точно, эрна.

– В таком случае могу ли я попросить вас о месте на его борту? – И пояснила свою просьбу: – Меня отзывают с Шанты. Я должна отбыть в столицу как можно скорее и была бы весьма признательна за помощь.

– Я всегда готов оказать услугу подруге моей... Джоны. Каюта на «Меллинтан» к вашим услугам, эрна Кэдвен.

– Благодарю. – Грэйн тут же смягчилась и устыдилась своей недавней властной резкости. И добавила с искренней благодарностью: – Признаться, милорд, вы снимаете камень с моих

плеч. Не представляю себе, как бы я докладывала Его Священной Особе об этом разговоре... а доложить обязана! – И все-таки не удержалась от замечания: – И, кстати сказать, вы заблуждаетесь. Вы оба, – объединив жестом Эска и Элира, Грэйнд поморщилась: – Не стоит быть столь высокомерными. Мы не *поклоняемся* богиням, не приносим им жертв и не кормим свору жрецов. И не следует воспринимать наши отношения с Локкой и Морайг как какой-то... религиозный культ! Впрочем, вот об этом точно гораздо лучше меня расскажут Княгини.

«А беседа с Вилдайром предстоит долгая и сложная. Уж больно щепетильная тема эти древние ролфийские бумаги», – согласился с ролфи Эск.

– Я надеюсь, что Княгини окажут мне такую честь.

Его, человека до мозга костей светского, к тому же предубежденного относительно магии, никогда не интересовала суть диллайнской веры и божественные... хм... свойства Предвечного. Никогда не влекли Аластара Эска обряды и символы, а что до чудес, которые творили эсмонды, так балаганный фокусник тоже достает из уха цыпленка. Мало ли в каком рукаве тивы прячут свои «прозрения» и «исцеления». Но во время расшифровки архива Гарби волея-неволей Эску пришлось коснуться сакрального знания. Полностью перевести текст его людям все равно не удалось. К тому моменту, когда родился самый старший из найденных Аластаром переводчиков, древний язык диллайн вышел из обихода, став тайным наречием эсмондов. Впрочем, самое важное они сумели понять...

Хвала Локке, вещей у эрны Кэдвен было немного, да и из них половину она спокойно оставила в той самой пристройке, где они ночевали с Элиром. Сейчас шуриа сидел на топчане и молча смотрел, как ролфийка сортирует свои пожитки.

– Терпеть не могу прощаться, – мрачно призналась Грэйнд и со злости так затащила горловину своего мешка, что затрещали тесемки. – И не умею!

– Не кокетничай, – ухмыльнулся бывший рилиндар и поднял оставленный ею на столе блокнот. – Как раз прощаться у тебя получается очень хорошо. Ты забыла его положить? – и пролистнул несколько страниц.

– Я же не успела закончить описание. – Ролфи вздохнула. – Отдай Неру или Тэлдрину, а впрочем... не думаю, что в ближайшие пару лет удастся заняться строительством новой крепости. Эск удружил с этим бунтом. Шанта лежит слишком близко к Эскизариу... нет, будет не до строительства. И, кстати говоря, здороваться мне нравится гораздо больше.

– Так отдавать – или пусть твои записи полежат пока у меня? Будет еще один повод приехать, – он подмигнул. – И за блокнотом, и поздороваться.

– Не кокетничай, – передразнила она. – Мне и так хватает поводов.

– Тогда оставлю себе на память, – шуриа решительно засунул блокнот за пазуху.

– Положишь на полку рядом с черепушкой Нимрэйда? – хохотнула Грэйнд. – А что, красиво получится! – Взвесив на руке мешок, она присела на топчан рядом с Джэйффом и сердито спросила: – Что ты обо всем этом думаешь? Эск... не преувеличивает? Ты же видишь этих, ну, духов...

– Думаю, он не только не преувеличивает, но даже преуменьшает.

– Они начнут искать виноватых. – Ролфи задумчиво поиграла черно-зелеными кисточками на темляке своей сабли. – И ведь найдут. Сперва начнут с эсмондов, но совиным колдунам нечего предложить полукровкам... И тогда они найдут тех, кому повезло больше. А Шанта слишком близко.

– Да ты, никак, сожалеешь о грядущей резне шшшшшурей? – насмешливо зашипел он.

– Не передергивай, – поморщилась Грэйнд. – Вы теперь не просто шурии, вы – наши шурии.

– Не обольщайся, – утешил ее Элир. – Резать начнут не только нас.

– Да я и не обольщаюсь, – ролфийка нахмурилась. – Вас – за то, что вами *она* побрезговало сразу, видать, отравиться побоялось...

– ...подцепить Проклятие Сигрейн, например, – подхватил Элир. – Что? Думаешь, я не понимаю, что это – одна из причин, почему диллайнское существо посчитало нас невкусными?

– Но ведь не только поэтому, – буркнула Грэйи и продолжила: – А нас – за то, что наша кровь стала для них ядом. И за то, что наши боги нас не предавали, а мы – не предавали их. И ведь будут правы! Нам действительно повезло, ведь даже дети получают либо проклятыми шуриа, либо бешеными ролфи.

– Кстати о детях, – он взял ее за руку чуть выше браслета. – Не потеряй. Не хватало еще тебе полукровок. Довольно с нас и Джойаны, верно?

– Ох, не напоминай... – скрипнула зубами ролфи и, зажмурившись, потрясла головой. – Я и так... Боги! А каково же им, им обоим?! Береги ее, ладно? Я боюсь, что Эсмонд-Круг доберется до нее и здесь, когда там дознаются про дела Эска. И про детей.

– Детей будет сторожить целая стая свирепых зубастых ролфи, – улыбнулся шуриа. – А о Джойане позабочусь я.

– Только не геройствуй, пожалуйста, в этом твоём партизанском стиле! – Грэйи толкнула его плечом. – Хорошо? Кроме тебя на острове есть еще целый гарнизон. И корабли в проливах.

– Корабли... – Элир чуть прижмурился и сказал задумчиво: – Ты сама будто корабль, Грэйи эрна Кэдвен. Словно «Верность Морайг». Красивая и сильная, как тот фрегат, и, подобно кораблю, не любишь якорей и долгих стоянок. Корабли ведь созданы для походов и битв, верно?

– А мы с нею ровесницы, – сказала эрна Кэдвен. – С «Верностью Морайг». Я родилась в тот год, когда она сошла со стапелей.

– Я уже давно не верю в просто совпадения, – кивнул он, словно ждал именно такого ответа. – Распускай паруса, выкатывай пушки и иди вперед, Грэйи. Не оглядывайся на берег, он никуда не денется.

– Паруса бесполезны, когда нет ветра. И корабль не найдет гавани, если не зажечь маяк. – Она на мгновение прижалась к нему и тотчас же встала, тряхнула головой, пробежалась пальцами по застежкам мундира, поправила ремень... И попросила: – Будешь ветром? Для моих парусов? И... зажжешь для меня огонь?

– Уже, – прищурился шуриа и улыбнулся краем губ. – И всегда.

– Я помню тебя, Джэйфф Элир. – Ролфи широко и клыкасто улыбнулась, вскинула голову, лихо заломила берет и вышла первой, шагая свободно и твердо.

Так всегда бывает – и это правильно. Кто-то уходит, кто-то остается, а ветер, огонь и земля все равно будут землей, огнем и ветром, какими именами их ни называй. Парусам не обойтись без ветра, но разве обрадуется ветер, если вдруг исчезнут паруса? Они равно нужны друг другу, разве нет? И совсем не обязательно называть это любовью. Совсем, совсем не обязательно.

Они стояли на берегу, обнявшись: ее щека прижалась к его груди, его губы – к ее макушке. Наплевав на сотни пар любопытных глаз, запретив себе думать о том, что готовит им всем недоброе будущее. Каждый день как последний – разве это шуриа придумали?

– Я виноват перед детьми. Моя кровь еще более проклята, чем твоя, – прошептал диллайн.

– Начинается, – фыркнула Джона. – Дух моего безумного предка Эйккена Янэмарэйна тоже любил сетовать на то, что я не нашла себе хорошего ролфийского парня. Теперь и ты туда же? Я никогда не пожалею о сделанном и никогда не упрекну.

– Никогда не мог понять, за что ты любишь меня. Не за что же.

От него пахло табаком, свежим потом, порохом и немного смолой, от него пахло морем и тяжелой работой, от него пахло опасностью. И так было всегда.

– Абсолютно не за что, согласна.

Шиларджи, невидимая за светом дня, скажи, за что же мы любим мужчин, за какие такие подвиги и доблести, за какие добродетели? Почему ждем из странствий и походов, почему прощаем обманы, почему верим в их безумные планы? Не знаешь? И никто не знает. За что их любить – жестоких и беспощадных, прирожденных убийц и идейных предателей, одержимых, бешеных, проклятых? Они ведь любят только себя, и еще свои короны, ружья, корабли, города, сабли, книги, телескопы, механизмы, они ценят свои победы и своих коней, они помнят формулы и цитаты из философских трудов, и для женщин в их сердцах остается совсем мало места, совсем-совсем. У кого-то вообще ничего не остается. Но если оно все-таки найдется... Тогда они обязательно возвратятся из походов и странствий, они не предадут, и не обманут, и осуществят самые невероятные планы, и совершат такое, о чем никому не мечталось. Поэтому мы их и любим. Так ведь, Сизая луна – Шиларджи?

– Делай, что считаешь нужным, и не волнуйся обо мне, – сказала Джойана на прощание. Она всегда так говорила.

Грэйн

«Меллинтан» оставила за кормой Шанту уже под вечер, так что на то, чтоб оглядываться на скалистые берега острова, у Грэйн не осталось не только желаний, но еще и времени. Эрн Кэдвен и дети Джойаны расположились за ширмой в каюте Эска. Диллайн, верно, стремился как можно больше времени провести с мальчиками, а те, в свою очередь, ни в какую не собирались отцепляться от юбки ролфи, так что Эск уступил им капитанскую кровать, на которой они уместились вдвоем. Для Грэйн там же, за ширмой, подвесили койку, точно такую же, как и для самого эскизарского владетеля. Пока ролфийка разбиралась с вещами, пока утешала Шэррара и пыталась хоть как-то развеять недетскую тоску в золотых глазах Идгарда, фрегат успел поднять паруса. «Меллинтан» поймала ветер и устремилась на запад, к берегам Ролэнта. Грэйн специально отвернулась от большого кормового окна. Она же обещала не оглядываться. Шанта никуда не денется, и если уж кто и способен позаботиться о себе и Джойане, так это Джэйфф Элир.

Заставить мальчиков как следует поест не удалось ни уговорами, ни призывами привыкать к «настоящей ролфийской дисциплине». В конце концов Грэйн сдалась, рассудив, что свежее молоко и галеты – не так уж плохо для ужина, и когда дети проголодаются, то сами попросят. Она сидела рядом с постелью и пересказывала им бесконечную старинную сагу. Маленький Шэррар плакал, но недолго: замер и заснул, свернувшись знакомым змеиным клубочком, под рукой Грэйн и только вздрагивал, тихо всхлипывая. А Идгард не плакал вовсе, а когда ролфийка хотела убрать руку с одеяла, поднял на нее огромные золотые глаза и очень серьезно спросил:

– А нас он тоже съест?

Отважный маленький Совенок. Как много он слышал? И... как много он понял? Грэйн задыхнулась от огненной, всепоглощающей ярости. Гнев перехватил горло знакомой удавкой, и только поэтому ролфи не зарычала и не взвыла. Улыбнуться не получилось, успокоить... Женщина скрипнула зубами и выдохнула:

– Нет! Ты – сын совиного князя, а он – сын Локки. У Огненной Совы – золотые крылья, у Нее – раскаленные когти. Она защитит тебя.

– А Шэрр?

– А Шэрр – сын змеиной княжны, а она – дочь Глэнны. Глэнна-Яблоня превратит его в маленькую змейку и спрячет в своих корнях.

– Тетя Грэйн... а разве так бывает?

– Бывает! – уверенно сказала она. – Я же посвященная Локки, я знаю. Не бойтесь. Вас не съедят, вас не бросят.

– А Рамман?

– И его тоже, – пообещала Грэйн. – Ваш отец – князь сов-диллайн, а совы – самые мудрые. А ваша мама – змеиная княжна, а змеи – самые хитрые. Они обязательно придумают, что делать. Ну-ка, куда это ты подсакиваешь? Уже поздно, ты устал и переволновался. Надо поспать. Давай-ка я тебя укрою.

– А ты, тетя Грэйн? – Идгард послушно улегся обратно, но руки ролфийки так и не выпустил. А тут еще и заснувший было Шэррар снова открыл глаза.

– А я – злая серая волчица. – Она свирепо оскалилась. – И я укушу Совенка за лапку, а Змеенка – за маленький хвостик, если они сейчас же не заснут!

«Огненная! – злобно зарычала Грэйн. – Локка!!! Их-то за что? Разве это они предавали тебя? Разве они отрекались?! Морайг! Разве в смесках нет и твоей крови? И ты, Глэнна! Отчего ты опять молчишь?! Неужели для них, для детей, нет никакого выхода? Или я солгала им? Ну! Вы слышите меня, боги?! Я солгала или нет?»

Боги слышали. Но молчали. Может, им было просто нечего сказать?

Мальчики заснули наконец. Но она еще посидела рядом, пока цепкие пальчики Джониного Совенка не разжались сами собой, освобождая рукав ролфийки. Грэйи тихонько встала и отступила назад, чуть не наткнувшись на кого-то. Диллайнский князь стоял, прислонившись к переборке, недвижимый и как будто даже не дышащий. Смотрел на своих детей. В полумраке глаза у него светились, словно у настоящей совы.

– Эрна, я прошу вас присоединиться к моим офицерам за ужином, – негромко вымолвил он. – Вестовой вас проводит.

Грэйи кивнула и вышла. Выть от всего этого хотелось просто нестерпимо.

Немногословность диллайн вошла в поговорки, подобно верности ролфи или живучести шуриа. И тем паче болтливость не приветствуется среди старших офицеров на борту такого серьезно вооруженного корабля, как «Меллинтан». Наверное. Потому что гнетущего диллайнского молчания над столом капитанского салона не повисло. То ли байки преувеличивали сдержанность совиного племени, то ли присутствие в их компании молодой привлекательной женщины, пусть и ролфийской лейтенантши, развязало диллайн языки. А может, это они при своем князе и капитане помалкивают, а пока его нет, оживают? Примерно так думала Грэйи, стараясь расправляться с поданной на ужин свиной поделикатней, дабы не смущать офицеров «Меллинтан» голодным клещаньем ролфийских клыков и волчьими повадками. На Тэлэйт разносолов не водилось, свиньи – те вообще почитались за редкость. Все больше баранина да козлятина... Впрочем, мясо – оно и на Шанте мясо, и ролфи, по большому-то счету, не так уж важно, бляло оно, мычало или мяукало, прежде чем попасть на стол. Но ради гостя местный кок расстарался на славу. Окорок просто таял во рту. Как-то уж очень быстро таял, на вкус Грэйи, хотя сидевший справа второй лейтенант антэ⁸ Хорн все подкладывал и подкладывал ей на тарелку новые куски, а третий лейтенант антэ Эдер исправно подливал в бокал ролфийки кларет. И все шло довольно неплохо: говорили об опере, полагая, видимо, эту тему подходящей для беседы с дамой (Грэйи вежливо поддакивала), о новой поэме какого-то неведомого господина Элори (ролфийка старательно кивала), о невероятной точности в батальных сценах модного синтафского живописца господина Ибарри (эрна Кэдвен с тоской осознала, что застольные речи – не ее конек). Но когда стюард убрал скатерть и подали неизменное имперское ликерное вино, она не выдержала и попросила закурить. Обстановка сразу же стала гораздо проще и дружелюбней. И – конечно же! – прозвучал сакраментальный вопрос, которого дочка печально знаменитого Сэйварда эрн-Кэдвена ждала весь вечер:

– Эрна, а правда то, что ваш отец служил мичманом под командованием виртджорна Эска?

«Начинается», – с досадой подумала Грэйи и вежливо улыбнулась слегка порозовевшему четвертому лейтенанту.

– Вероятно, антэ Нэй. К несчастью, я была слишком юна, чтобы батюшка счел возможным поделиться со мною воспоминаниями о тех временах.

– О! – румянец на щеках молоденького лейтенанта превратился в багрянец, он смущенно отвел глаза и уткнулся в бокал. Ролфи и рада была бы помочь вляпавшемуся собеседнику, но как? На выручку пришел второй лейтенант Хорн.

– Мощь ролфийского флота впечатляет. Если вспомнить тот бой с идберранской эскадрой у берегов Тэлэйт... Жаль, что вряд ли удастся выразить свое восхищение мастерством вашего адмирала эрн-Сэйлита при личной встрече.

– Не зарекайтесь, – благодарно мурлыкнула девушка. – Мне довелось путешествовать на борту «Княгини Лэнсилэйн», флагмана Белой эскадры, и могу заверить вас, эрну адмиралу Сэйлиту не свойственно излишнее высокомерие. В общении он весьма прост и любезен.

⁸ Антэ (диллайн.) – господин, обращение к флотскому офицеру.

– Удивительно! Разве жизнь ролфийского общества не подчинена строгой иерархии?

– О... разумеется. – Грэйн запнулась ненадолго, пытаясь подобрать слова, дабы разъяснить суть внутриролфийских отношений непосвященным. – Но... Боюсь, объяснить это на словах невозможно. Побывав на Ролэнси, вы получите возможность посмотреть на нашу жизнь, так сказать, изнутри. Полагаю, наблюдение окажется познавательней, чем разъяснение.

Но не так-то просто вырваться из когтей жаждущих познания диллайн. Золотые глаза Эсковых офицеров уже разгорелись огнем любопытства и азарта, того самого, которое ролфи никогда не понять.

– Но все-таки, эрна! – к выпытыванию подключился третий лейтенант Эдер. – О жизни на Ролэнси рассказывают настолько невероятные вещи! Вот, к примеру... Это правда, что все жители Архипелага носят мундиры, соответствующие их статусу? И даже женщины?

– Если вы подразумеваете мундирное платье, антэ Эдер, то нет, не все, – Грэйн улыбнулась. – Только те, кто так или иначе служит. Согласитесь, что необходимы некие знаки различия, дабы не перепутать инспектрису женских училищ третьего класса с фабричной работницей, швею – с рыбачкой, а аптекаршу отличить от цирюльницы. Кроме того, по одному лишь покрою мундирного платья вы сразу поймете, кто перед вами: владетельная эрна или безземельная. Так вы избегнете возможных недоразумений. Однако следует различать мундирное платье и женский мундир, как у меня.

– И как же правильно обращаться к даме в женском мундире? – полюбопытствовал судебной врач Свон.

– Если к мундиру прилагаются погоны и офицерский шарф, обращайтесь «эрна» или «посвященная», и не ошибетесь, – просветила их эрна Кэдвен. – К прочим дамам вполне допустимо обращение «сударыня». Впрочем, я не думаю, что вам предстоит встретить так уж много женщин-офицеров. И уж точно не на флоте!

Разумеется, любопытные диллайн не могли упустить такой случай разузнать все подробности о «солдатах в юбках», да и о Ролэнси вообще, так сказать, из первых рук. Интересовало их буквально все. Делать нечего, пришлось рассказывать. Под конец Грэйн даже слегка охрипла, однако офицеры «Меллинтан» были столь милы и любезны, что отказать она просто не могла. В конце концов, дети Локки, помимо прочего, известны и своей настырностью. Хочешь ты или нет, но в итоге рано или поздно все равно сделаешь то, что им от тебя надобно, – и даже не заметишь.

Аластар

– Вижу парус! – раздался крик впередсмотрящего с мачты. – Парус прямо на ветре, быстро приближается!

Аластар напрягся. В открытом море, недалеко от Шанты корабль, идущий таким курсом, мог оказаться либо ролфийским, либо синтафским. И если первый вариант предпочтителен, то второй может оказаться чреват.

– На мачте! Что нового?

– Корабль, вирт⁹! Фрегат! Под всеми парусами! Вижу бом-брамсели, – отвечал матрос.

– Поднимите флаг, антэ Тор, – приказал Эск. – Свистать всех наверх.

– На палубе! Похоже на «Дар Предвечного», виртджорн. Вижу его марсели.

Аластар тревожно оглянулся на Грэйи. Что имперский фрегат делает так далеко от синтафских берегов?

– Будем надеяться, что он пройдет мимо... Ромжер, берите подзорную трубу. Говорите мне, что видите.

Тот мигом вскарабкался по грот-вантам.

– Так точно, вирт, это «Дар Предвечного». Идет в бейдевинд на правом галсе. Мы пройдем у него сподветру. Ветер точно в его сторону. «Дар» сигналит! «Капитану. Лечь в дрейф».

Эск знал капитана фрегата. Милифор Рамни считался одним из лучших во всем флоте – хладнокровный, опытный профессионал с часовым механизмом вместо мозгов.

– Очень хорошо. Антэ Гор, ответьте: «Капитану. Иду прежним курсом», – отрезал дил-лайнский князь-капитан и добавил, не поворачиваясь к Грэйи лицом: – Эрна, спуститесь вниз к детям и пришлите ко мне мичмана Роска.

– Сигналит. «Приказ: «Остановиться».

Между кораблями было каких-то два лайга, и расстояние это быстро уменьшалось. «Меллинтан» могла бы повернуть круто к ветру и идти на другом галсе. Но зачем? Оставаясь с наветренной стороны, «Дар» сам подписывал себе смертный приговор. И словно чтобы отрезать Эску все пути к отступлению, капитан Рамни приказал выстрелить поперек курса эскизарца.

– Тор, корабль к бою, – тихо сказал Аластар.

Первый лейтенант отсалютовал и совершенно деревянным голосом крикнул:

– Так точно, виртджорн! Свистать всех по местам! Корабль к бою! Барабанщики! Боевая тревога!

Тяжелый рокот барабанов раскатился в разные стороны от красавицы «Меллинтан» – нет в море откровеннее вызова.

– Зарядите и выдвиньте пушки!

– Есть, вирт!

Тор старался не выдать своего ужаса. Он раздавал приказы подносчикам пороха, которые тут же бросились за картузами. А сам думал... вернее, старался не думать, что на самом деле означают для них для всех слова капитана. И хорошо еще, что команда была занята делом. Канониры всем телом налегали на тали, чтобы выдвинуть пушки. Матросы занимали места у помп. Палубу окатили водой и посыпали песком.

Несмотря на недоуменное возбуждение, моряки работали молча. Никто не усомнился в правоте виртджорна Эска. У него на кораблях всегда соблюдалась железная дисциплина. Пусть эскизарский флот и был частным, но порядки остались военными, кроме разве что системы наказаний. За мелкие нарушения били исключительно по карману, публичную порку Аластар

⁹ Вирт (*диллайн.*) – от виртджорн – повелитель, обращение к капитану корабля.

запретил категорически. Но за бунт и неповиновение полагалась веревка на шею. Матросы знали, на что шли, подписывая контракт. Практически всегда знали, но только не сейчас.

– Корабль к бою готов! – доложил Тор.

Большой имперский фрегат, аляповато раскрашенный в синий и оранжевый цвета, шел наперерез «Меллинтан», не скрывая серьезности намерений – во что бы то ни стало остановить эскизарца. И все же это были свои – на грот-мачте «Дара Предвечного» развевался брейд-вымпел, на флагштоке – имперское знамя.

– Виртджорн Эск...

– Что вам, антэ Тор?

– Но это же наши.

– Вас утешает мысль, что вешать вас будут на имперской веревке горячо любимые соотечественники? – холодно спросил Аластар, оторвавшись от подозрительной трубы. – Это меня увезут в Санниву живьем, остальные... пойдут в расход. В Синтафе полно отличных моряков и маловато первоклассных кораблей. Палубы «Меллинтан» найдется кем заполнить.

– Я... понимаю.

– Вот и замечательно.

«Меллинтан» и «Дар Предвечного» сблизилась на такое расстояние, что оба могли начать обстрел. Но Рамни ждал, не собираясь нападать первым и рассчитывая на взаимность Эска.

– Руль круто направо, – приказал тот рулевому. – Антэ Тор, наводите пушки и открывайте огонь.

«Меллинтан» медленно развернулась, словно нарочно показав свои открытые орудийные порты, и Рамни не выдержал. Он дал бортовой залп, обрушивая на эскизарца град ядер. Одну из батарей «Меллинтан» разнесло в клочья.

– Пли! – крикнул Тор.

Прогремели ответные выстрелы, за клубился дым.

Немного времени ушло на то, чтобы перезарядили пушки, выдвинули и выстрелили. И опять, и снова, и еще раз.

– Заряжай! Целься! Пли!

Оба корабля окутались густым черным дымом. Со шканцев, где стоял Аластар, невозможно было различить, что делается на полубаке. «Дар Предвечного» выглядел как огромное облако, из которого выглядывала только стенга.

С такого близкого расстояния превосходство обеспечивали только скорость и слаженность работы всей команды, ее дисциплина и умение, чтобы стрелять часто и целить метко в грохоте и рукотворном хаосе морского боя.

Ветер отогнал прочь дым, и Аластар увидел главную палубу «Меллинтан». К орудиям бежали юнги с мешками для разноски картузов, обеспечивая работой расчеты. Возле грот-мачты стоял антэ Хорн – дирижировавший субдивизионами, точно оркестром в опере, а мичманы следили, чтобы пушки каждого стреляли ритмично. Прибойники и банники в руках матросов работали с невероятной скоростью, а канониры наводили орудия без всякой задней мысли. В горячке боя все уже забыли, что убивают своих же соотечественников. С батареи левого борта почти всех матросов перебросили на правый, заменив ими убитых и раненых.

Но из-за отдачи пушек «Меллинтан» постепенно разворачивало, стрельба замедлялась, а останавливаться было нельзя.

– Рулевой, нос на два румба вправо.

– Есть, вирт!

И вдруг Эск понял, что не слышит ответных залпов.

– Прекратить огонь!

И когда рассеялась дымовая завеса, он увидел искалеченный «Дар Предвечного» – фок-мачты и грот-мачты у него уже не было, а бизань качалась на последнем издыхании, в борту

под фок-мачтой вместо орудийных портов зияла черная дырища. Имперский фрегат сильно просел, и теперь его разворачивало носом к ветру.

Но Рамни не сдавался. Носовая, чудом еще уцелевшая батарея «Дара» била прямо по курсу, по «Меллинтан», которая содрогалась и стонала.

– Задайте им жару! – приказал разозленный Эск, озверевший от напряжения, пошел к шканцевым карронадам правого борта и приказал зарядить их картечью. – Сейчас развернемся еще немного... еще чуть-чуть...

– Пли!

Карронады харкнули рой ружейных пуль, прочесав полубак имперца от борта до борта. Какое-то время над водой стоял безумный крик умирающих.

– Потопить их! – устало приказал Аластар и заставил себя не отворачиваться. – Пленных не брать.

Он стоял и смотрел, как пушки главной палубы «Меллинтан» дырявят «Дар Предвечного», как тот уходит под воду вместе с командой, как отчаянно зовут на помощь уцелевшие и, не получив ее, тонут.

– Виртджорн!

Первый лейтенант что-то говорил, что-то наверняка очень важное... А фрегат, его высокие мачты, его паруса, дымящиеся пушки, оружие от восторга и потрясения матросы – все это было словно в тумане. Далеко-далеко, по ту сторону правды и лжи. Милифор Рамни, которого Аластар знал с юности, который начинал служить мичманом на бриге «Императрица», погиб, убит своим бывшим капитаном.

«Меллинтан, ты слышишь меня? Я убил их всех. Мы вместе убили их». Конечно, он не был шуриа и не мог слышать ответа, но знал – Меллинтан заранее его простила. Хотя диллайн не просил оправданий, даже именем своих мальчиков, ради которых он бы убил еще десять таких фрегатов с командами и знакомыми капитанами.

«Дар Предвечного»? Как бы не так! «Харч Предвечного», – сказал он облачному небу. – Ты не получишь их, людоед, ты сдохнешь голодным!»

– Не каждый день становишься мятежником, антэ Тор, – прошептал Эск деревенеющим языком, словно оглохнув и ослепнув в одночасье. – Этот момент стоит запомнить, Тор. Мы с вами перешли тот рубеж, после которого возврата уже не будет, никогда не будет.

И матросы, словно подтверждая его слова, кричали охрипшими голосами:

– Эскизар! Всегда! Вперед!

Грэйн и Аластар

«Женщине не место на палубе боевого корабля». Когти Локки, это действительно так! Женщине нечего делать на корабле, вступившем в бой, а что говорить про детей? Никогда прежде Грэйн не ощущала с такой ясностью всю мудрость этой заповеди богов и предков. Морайг ревнива и жестока, воинская удача слепа, и достаточно одного неверного шага, чтобы все погубить. Чтоб вести бой, чтоб рисковать и сохранять трезвость, помня при том о собственных сыновьях, которых каждый твой приказ подставляет под бомбы и ядра... Наверное, для того нужно родиться диллайн. Ролфи так не умеют и никогда не научатся. И это хорошо!

Осознание собственное бессилие – самое мерзкое чувство из тех, что доступно ролфи. Что ты можешь сделать, сидя на качающемся полу... хорошо, палубе! – в каюте? Прижимать к себе детей, разве что. Молиться Морайг? Лучше вообще не думать о богине, не призывать ее даже мысленно: здесь, в море, Неверной не милы мольбы женщин, она не слышит их, а если услышит, станет только хуже.

Бессилие. Что может быть гаже?!

Прочный корпус «Меллинтан» стонал и содрогался, и о том, что творится наверху, Грэйн старалась не думать. Как бы ни повернулось дело, Эск не позволит врагу захватить своих сыновей. И не сдастся. А значит...

«Он должен, обязан убить их всех, расстрелять, потопить и не давать пощады, – подумала ролфи. – Обречен выбирать между злом и Злом. Нет, даже не выбирать – этот диллайн уже давным-давно выбрал. Подтвердить свой выбор, доказать его. Кому же нужно *такое* доказательство? Неужто тебе, Огненная?»

Богиня была где-то здесь, Грэйн все время чуяла ее незримое присутствие. Она была здесь и смотрела, и отсвет ее крыльев трепетал над палубами и мачтами «Меллинтан», отражался в золотых глазах диллайнского князя. Жаль, он сам этого не чувствует. А вот Джойн – та увидела бы непременно, и шурия нашла бы, как сказать своему мужчине – ты не один. Ролфи так не умеют. Да и ни к чему это умение ролфи – не бывает одиноких волков, байки это...

Она думала так все время, пока шел бой: обнимала детей Джойн, утешала Шэrrара, подбадривала напряженного Идгарда, что-то говорила им... кажется. А потом пришел вестовой Эска (Грэйн все никак не могла запомнить его имени и отчасти смущалась поэтому) и принес новости... вероятно, все-таки добрые. «Меллинтан» выиграла схватку, и синтафский фрегат пущен ко дну. Глаза у диллайн были просто безумные: огромные, вполлица, желтые глаза с крохотной черной точечкой зрачка. Верно, он только сейчас начал осознавать, что вражеский корабль шел в бой под флагом Империи, которой все они присягали. И Аластар Эск – тоже.

Грэйн не стала ни о чем выспрашивать – к чему поминать пеньку в доме висельника? Попросила молока для детей и кадфы для себя. Служба в Канцелярии Конри заставила ролфику поневоле оценить бодрящие свойства горькой и черной «имперской смолы». И, уложив мальчиков, присела к столу, приготовившись ждать, сколько понадобится. Единственное, чем эрна Кэдвен могла помочь ему, – это выслушать, ежели «диллайн Джойаны» вдруг захочет поговорить.

«Может, и не захотел бы, будь у него выбор, – поняла Грэйн, едва лишь в каюту бесшумно вернулся Эск. – Но выбора у него нет».

Нет ничего хуже, нет ничего гаже. Отсутствие выбора, то же самое бессилие, осознание которого делает ролфи бешеными, а диллайн... Уж не оно ли делает одержимыми бесприютных детей Локки?

– Бой окончен, – молвил он.

Каюту освещал только один-единственный фонарь, но этого приглушенного света было довольно, чтобы как следует разглядеть возлюбленного Джойаны. Грэйн чуть прищурилась,

наблюдая, как он двигается, как поворачивает голову, как садится к столу. Посмотрела так, будто видела впервые. Впрочем, отчасти так и было.

Да, воистину, Огненная Сова смотрит сейчас на своего сына, тут и гадать нечего. Смотрит и видит. И услышит, если он все-таки станет говорить. Так пусть говорит, пусть рассказывает. Боги не услышат тебя, пока не позовешь.

«Ты ведь не слеп от рождения, тебе просто завязали глаза, диллайн, – подумала Грэйи. – Завязали глаза, заткнули уши – будто мешок надели на голову, как пленнику или приговоренному перед казнью. Чтоб ни слышать Ее, ни видеть, ни позвать не мог. Но вот ты смог разорвать веревки – осталось сбросить повязку и выплюнуть кляп. Я попробую помочь тебе, диллайн моей Джойаны. Да, Локка, я попробую... нет, я – сделаю».

– Да, ваш вестовой рассказал. Вкратце. Я не стала выпрашивать у матроса то, что следует узнавать у капитана. Если вы сочтете возможным что-либо мне рассказать, милорд.

Аластар на несколько мгновений закрыл ладонями лицо, словно вытирая с кожи что-то липкое.

– Рассказать... Да, рассказать. Эрн... Грэйи... Я могу вас так называть?

Она кивнула.

Больше четырехсот человек на борту «Меллинтан», а поговорить не с кем. Они подчиненные, они заранее согласились с любым решением Аластара Эска, они тяжело и много работают. Так имеет ли он право возлагать на их плечи бремя ответственности? Ни в коем случае. Они не заслужили такого, нет, не заслужили.

Грэйи тоже не заслужила, но она единственная сейчас, кто способен понять. Может быть. Она одна из тех редких людей, знакомство с которыми *меняет* других. Как сказочный единорог или дракон. Встретишь такого – и больше никогда не будешь смотреть на мир прежними глазами. Просто потому, что падут старые шоры.

– Пожалуй, мне не просто можно, мне нужно вам кое-что рассказать, – вздохнул диллайн. – Я только что утопил человека – отличного капитана, которого уважал и ценил. Убил за то, что он всего лишь исполнял приказ и оставался верен воинской присяге. И... еще несколько сотен честных и храбрых моряков. Пусть наш разговор станет им надгробием и поминовением, много у них все равно не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.